

Институт языкознания им. Арн. Чикобава

Мачавариани Нана Мухрановна

Глагольные категории в Абхазском и
грузинском языках, вступающие
в синтаксические отношения

В в е д е н и е

В работе анализируются глагольные категории, вступающие в синтаксические связи, выделяются общие и специфические особенности образования названных категории, что имеет существенное значение с точки зрения историко-сравнительного изучения не только рассматриваемых, но и всех иберийско-кавказских языков в целом. Особое внимание уделяется выявлению общего и различного в принципе образования морфологических категорий; по мере возможности объясняются некоторые исторические принципы возникновения общих и различных явлений.

В предлагаемой работе на основе обобщения накопленных в кавказоведении позитивных данных впервые предпринимается попытка историко-сравнительного изучения и сравнения принципов образования названных категорий в абхазском и грузинском языках; выдвигаются некоторые новые соображения.

Теоретическое и практическое значение результатов исследования обуславливается возможностью использования выводов и наблюдений автора при составлении научной грамматики грузинского и абхазского языков, в курсе школьной грамматики, а также в исследовании близкородственных иберийско-кавказских языков.

Эмпирический материал изучен посредством описательного и историко-сравнительного методов; по мере необходимости к анализу привлекались данные других иберийско-кавказских языков.

Редактор академик **К. В. Ломтатидзе**

Рецензенты: проф. **Л. П. Чкадуа**
проф. **С. У. Пазов**
проф. **А. И. Арабули**

Историко-сравнительное изучение данных родственных языков дает возможность проследить историю этих языков, установить внутренние закономерности их развития, охарактеризовать исходное состояние и объяснить сходные и специфические явления, присущие каждому из исследуемых языков.

Ядро любого языка составляет основной лексический фонд и грамматический строй. Грамматический строй языка изменяется значительно медленнее, чем лексический фонд. Постольку древнейшее состояние языка в наибольшей степени отражается в его грамматике. Следовательно, при изучении истории языка особого внимания заслуживают закономерности развития грамматического строя.

Сложность морфологии иберийско-кавказских языков предопределяется своеобразной структурой глагола.

Историко-сравнительное изучение морфологических глагольных категорий имеет большое значение для углубленного познания закономерностей развития грамматического строя иберийско-кавказских языков.

Формирование сложного синтаксического механизма предложения иберийско-кавказских языков, в том числе – картвельских и абхазско-адыгских, связано со спецификой глагола.

Ставя перед собой цель рассмотреть в сравнительно-историческом плане глагольные категории, вступающие в синтаксические связи, мы в качестве основного объекта избрали грузинский язык как один из картвельских языков, и абхазский язык как представитель абхазско-адыгских языков. Вместе с

тем, по мере необходимости используются показания других родственных языков.

Под "глагольными категориями, вступающими в синтаксические связи", подразумеваются лишь те категории, которые обуславливают морфологическое выражение субъекта и объекта в глаголе. Естественно, в сферу нашего исследования в настоящее время не входит система глагольных времен и наклонений.

В грузинском языке к числу вступающих в синтаксические отношения глагольных категорий относятся категории спряжения – лица, числа, деривации – версии и каузатив. Абхазский язык богаче соответствующими категориями – здесь функционируют три категории спряжения: лицо, число, класс, и пять деривационных категорий: версии, каузатива, потенциалиса, непроизвольности и взаимности-совместности.

Категории, не имеющие в грузинском языке морфологического выражения, в грузинском и картвельских языках в целом в отличие от абхазского относятся к числу семасиологических категорий. Иными словами, содержание этих категорий выражается не морфологически, а семасиологическими средствами.

Анализ общих и специфических черт названных категорий грузинского и абхазского языков проводится на основе фактического материала оригинальных и переводных произведений грузинской и абхазской литературы. Кроме того, использован материал, собранный автором в ходе полевых экспедиций в деревнях Очамчирского района Абхазской АР в 1979-1984 гг.

Глава I

Категория спряжения в Абхазском и Грузинском языках

§ 1. Категори лица и числа в грузинском языке

Наиболее древними, органичными для структуры грузинского языка глагольными категориями, вступающими в синтаксические отношения, должно быть, являются категории лица, класса и числа.

Названные категории спряжения обнаруживаются и в деривационных глагольных моделях, и поскольку категории спряжения мы рассматриваем отдельно, постольку деривационные категории описываются в специальных главах в зависимости от количества лиц, представленных в глаголе.

Глагольные категории лица и числа сближает ряд общих черт. Число в глаголе выражается через лицо субъекта или объекта (121, 166).

Лицо – собственно глагольная категория, по числам же изменяются и глаголы, и имена (105, 3).

Категории лица и числа трактовали многие древнегрузинские грамматисты (4; 18; 23; 26; 20; 112; 113; 86). В наше время к названным категориям впервые обратился Ал. Цагарели (171, 4-34), а затем – Н. Я. Марр (160, 162).

Вопросы, связанные с категориями лица и числа широко рассматриваются в трудах А. Г. Шанидзе, А. С. Чикобава и В. Т. Топурия.

В глаголе всех картвельских языков, как это вообще присуще языкам агглютивного типа, выражается лицо и число имени.

В картвельских языках, в отличие от абхазско-адыгских, морфологическое выражение лица и числа регулируется определенными правилами, учитывающими, главным образом, падеж и число соответствующего имени (аналогичные правила частично действуют и в адыгейском языке).

Наблюдаемое в современных картвельских языках положение следует квалифицировать как вторичное, поскольку на ранних стадиях развития этих языков в глаголе, видимо, находили морфологическое выражение все лица и числа, как это имеет место в абхазско-адыгских языках. При этом имеется в виду процесс постепенного перехода от классного спряжения к классно-личному и далее – к личному спряжению со всеми сопутствующими фонетическими явлениями. Лишь после формирования личного спряжения сложились закономерности выражения (или невыражения) лица и числа в глаголе, обуславливаемые не только изменением "синтаксической силы" объекта и субъекта, но и определенными фонетическими процессами.

По сути дела, на наших глазах, за короткий, с точки зрения истории языка, период, претерпело изменения правило выражения морфологического объекта в глаголе.

В древнегрузинском объекту в именительном падеже выражался в глаголе; в новогрузинском языке стал чаще встречаться объект в дательном падеже.

Если столь существенное преобразование могло произойти за довольно короткий срок, даже невзирая на наличие письменной традиции, то легко представить, каким глубинным изменениям подвергался язык в дописьменный период, до создания первой грузинской рукописи.

В специальной литературе обычно выделяются три типа спряжения, действующие в иберийско-кавказских языках: классное, классно-личное и личное (106).

В период классного спряжения глагол оставался одноклассовым, а полиперсонализм возник в результате развития классно-личного спряжения (66, 444).

Глагол картвельских и абхазско-адыгских языков полиперсонален: спряжение в абхазском языке носит классно-личный характер, а картвельским языкам характерно личное спряжение (предполагается, что картвельские языки прошли этап классно-личного спряжения, следы которого до настоящего времени обнаруживаются в личном спряжении грузинского языка). Пережитками классно-личного спряжения и объясняются сложность, закономерность выражения лица и числа в глаголах картвельских языков (101, 449, 454; 102; 164; 66; 69; 79; 84; 13; 139; 1; 2).

В грузинском языке выделяются три лица – I, II, III, обозначаемые личными местоимениями *me* – "я", *čven* – "мы", *šep* – "ты", *tkven* – "вы", *is* – "он, она, оно", *isini* – "они".

Как и в других иберийско-кавказских языках, в грузинском языке функционируют абсолютные (одноличные) и релятивные (многоличные) глаголы.

Исходным, исконным для этих языков, по мнению Г. В. Робава, является абсолютный глагол, а релятивный глагол образован от абсолютного посредством аффиксов различного значения и назначения (69, 46).

Глагол классного спряжения моноперсонален, не различает лиц и спрягается лишь по классам.

По мере развития классно-личного и личного спряжения формируется полиперсональный релятивный глагол.

В абсолютном глаголе грузинского языка находит выражение лишь число и лицо морфологического субъекта, а в релятивном глаголе выражается также лицо объекта.

Таким образом в грузинском языке различают одноличные абсолютные глаголы и двух-, трех- и четырехличные релятивные глаголы (27, 8-9; 10).

Абсолютный глагол непереходен, в нем представлено только лицо субъекта.

Релятивный глагол может быть переходным и непереходным, в зависимости от наличия изменяемого по падежам (прямого) объекта. В релятивном глаголе выражается лицо субъекта и объекта. Если глагол имеет в анлауте показатель субъектного лица и спрягается по лицам субъекта, то говорят о субъектном спряжении. Глагол может начинаться также показателем объекта и изменяться по объектным лицам. В таком случае имеет место объектное спряжение (121, 189-190; 166).

Показатели субъектного лица в древне- и новогрузинском языке:

	Ед. число	Мн. число
I	v –	v – t
II	x- // h- // s- // hs-	x- // h- // s- // hs- – t
III	-s, -a, -o, -n	en-, an-, -nen, -n, -ed.

Парадигма спряжения абсолютных глаголов:

I	v-dga "я стою"	v-dga-t "мы стоим"
II	x-dga, h-dga, s-dga "ты стоишь"	x-dga-t, h-dga-t, s-dga-t "вы стоите"
III	dga-s, dga-n "он стоит"	dgan-an "они стоят"

В глагольной форме может отсутствовать показатель лица. Элиминация личного показателя обуславливается разными причинами:

1. Личный аффикс редуцируется на фонетической основе:

а) показатель I субъектного лица v- в древнегрузинском языке редуцируется в позиции перед гласным u: (v)uṣqī "ведаю (я)"; (v)uṣqīt "ведаем (мы)".

б) тот же показатель исчезает в позиции перед глагольным корнем val, ved начинающимся в грузинском языке с согласного v- mival "иду" вместо mi-v-val (120, 61-62);

в) показатель S₂ и O₃, h- дает s- в позиции перед согласными d, t, ṭ; ʒ, c, ṣ; ʒ, ṣ ṣ а перед гласными полностью редуцируются; личный формант h- утрачивается также в позиции перед согласными s, z, x. В древних текстах показатель h- нередко выступает в виде hs-. По мнению А. Г. Шанидзе, в данном случае имеется переходный согласный h > s; часто встречается также переход hs > hš (128, 117).

2. Утрата личного показателя обуславливается морфологически. В частности, форма положительного повелительного наклонения в древнегрузинском языке не имела показателя S₂: gan-h-ḳuṭe "рассек (ты)" (повеств. накл.) – gan-ḳvete "рассеки!" (повелит. накл.), но в отрицательном повелительном показателе сохраняется – ara gan-h-ḳuṭo! "не рассекай!"

В новогрузинском языке и в живых диалектах данное правило уже не действует, сохраняясь лишь в глаголе modi "приходи": moved > movedi > moedi > modi.

Показатели лица и числа объекта в древне- и новогрузинском языке

	Ед. число	Им. число
I.	m-	gv-
II.	g-	g-t
III.	h- x- s-	h- x- s-

В новогрузинском языке неизменяемый по падежам объект третьего лица (O₃), стоящий в форме дательного падежа, отражается в глаголе посредством личного показателя, но множественность этого объекта не выражается. Изменяющийся по падежам (прямой) объект третьего лица единственного числа в глаголе не отражается.

В древнегрузинском языке множественность прямого O₃ отражалась в глаголе посредством показателя -n, если сам объект стоял в именительном падеже (подробно см. ниже).

Парадигма спряжения релятивного глагола.

Субъектный строй.

Ед. число	Мн. число
I v-adide "восхвалил (я)"	v-adide-t "восхвалили (мы)"
II x-adide h-adide "восхвалил (ты)"	x-adide-t, h-adide-t "восхвалили (вы)"
III adid-a "восхвалил (он)"	adid-es "восхвалили (они)"

Объектный строй

Ед. число	Мн. число
I m-idga-s "стоит (у меня)"	gv-idga-s "стоит (у нас)"
II g-idga-s "стоит (у тебя)"	g-idga-t "стоит (у вас)"
III udga-s "стоит (у него)"	udga-t "стоит (у них)"

Выражение лица и числа морфологического субъекта и объекта в глаголе древне- и новогрузинского языка зависит от падежа числа имени – субъекта или объекта (99, 162, 209).

В древне- и новогрузинском языке субъект и объект встречаются лишь в форме трех падежей: в именительном стоит субъект и изменяемый по падежам (прямой) объект; в эргативе – только субъект; в дательном – изменяемый по падежам (прямой) и не изменяемый по падежам (косвенный) объект.

В глаголе древнегрузинского языка выражается лицо и число имени в номинативе, т. е. морфологически выражается лицо и число субъекта и прямого объекта, за исключением двух случаев:

1. Когда показатель S_1 оказывается в непосредственном соседстве с формантом O_2 *v-g-*klav* > g-*klav* "я тебя убиваю..." и на стыке морфем S_2 и O_1 : *x-m-*klav* > m-*klav*

"ты меня убиваешь"...

2. Если имя в номинативе стоит в форме множественного числа с показателем *eb*: *aṭṭṛinda siri* – *aṭṭṛinda sirebi* "вспорхнула птичка – вспорхнули птички..."

Примечание. Можно предполагать, что все указанные формы были реально представлены на этапе классно-личного спряжения, но с иной дистрибуцией личных показателей: g-v-*klav* "я тебя убиваю", m-x-*klav* "ты меня убиваешь", т. е. в первой позиции стоял показатель объекта, а далее следовал показатель субъекта ("я тебя убиваю", "меня ты убиваешь"... см. ниже).

Лицо и число имени в эргативе всегда представлено в глаголе – лицо и число субъекта отражается по II группе времен и наклонений переходного глагола: *man kla* "он убивал", *mat klcs* "они убивали".

Лицо и число имени в дативе не отражается в I группе времен и наклонений – в глаголе нет показателей прямого и косвенного объектов.

На первый взгляд, исключением из этого правила является параллельное употребление древнегрузинских форм *mo-m-cc* // *mo-gv-cc čwcn* "дай нам...".

В первом случае норма древнегрузинского языка (несогласование в числе имени в дательном падеже) не нарушена, но во втором примере отклонение от нормы как будто очевидно: имя в дательном падеже вызвало появление в глаголе показателя множественности *gw*.

Н. Я. Марр (118, 92), Г. Деетерс (186, 34), К. Д. Дондуа (140, 135-151), В. Т. Топурия (83, 26) считают *gw*- показателем инклюзива.

В частности, Н. Я. Марр квалифицировал этот префикс как специальную местоименную основу множественности (158, 92).

По мнению А. Г. Шанидзе, множественность первого объектного лица выражалась двояко: при помощи плюрализованного показателя O_1 и *gw*-; причем, первый способ более древний (120, 134-151).

"В ранних памятниках, – отмечает А. Г. Шанидзе, – формы с префиксом gw- встречаются редко, чаще встречается форма с аффиксом m-" (120, 65).

В. Т. Топурия, исходя из показаний сванского языка, признает префикс gw- формантом инклюзива (83, 26).

Того же мнения придерживаются А. Л. Ониани, Д. Н. Меликишвили, Т. Д. Метревели.

А. Л. Ониани также опирается на данные сванского языка и признает категорию инклюзива-эксклюзива общекартвельским грамматическим явлением, сохранившимся только в сванском языке (56).

Префиксом инклюзива признает формант gw- Д. Н. Меликишвили, предполагая, что эксклюзив не имел своего показателя (53).

На основе анализа двух древних редакций грузинского четвероглава Т. Метревели приходит к выводу, согласно которому следы инклюзива-эксклюзива обнаруживаются в древнегрузинском языке (54).

Как убедительно показал А. С. Чикобава, префикс gw-, считавшийся показателем множественности, в действительности выражал в древнегрузинском языке значение единственного числа, а семантика множественности выражалась посредством суффикса -n gan-gw-a-axl-n-a "обновил нас"... Таким образом, если местоимение ṡwep "мы" стояло в именительном падеже, то множественное число выражалось уффиксами -ep, -n, независимо от префикса gw- или m-.

Описанное положение исключает возможность интерпретации префикса gw- как показателя множественности в древнегрузинском языке: ṡemo-m-ḳrib-n-a // ṡc- gw-ḳrib-n-a "собрал нас", da- gw-bad-n-a "породил нас"...

Сопоставляя многочисленные примеры, А. С. Чикобава приходит к заключению, что префиксы m- и gw- относятся к разным диалектным слоям. Префикс gw- более архаичен. Фор-

мант m- получает распространение в IX-X вв., а с XII в. бесследно исчезает. Восходит этот префикс к какому-то юго-западному диалекту, родственному занскому языку (104, 100, 102, 104, 105).

Итак, толкование, предложенное А. С. Чикобава, показывает, что префикс gw- не нарушает нормы древнегрузинского языка (множественное число имени в дательном падеже в глаголе не выражается).

А. С. Чикобава прослеживает в диалектах грузинского языка способ выражения множественности в глаголе посредством частицы -ḳc. Названная частица служит выражению множественности имени в дательном или именительном падежах. В современном грузинском языке эквивалентом частицы -ḳc служит суффикс -t.

В древнегрузинском языке в соответствующих формах этого суффикса нет, поскольку он является формантом субъекта I и II лица множественного числа и закономерно указывает на множественность грамматического субъекта или объекта: acdev-na mat – acdevnaḳc mat "погнался за ними" (89, 65-67).

В новогрузинском языке значительно изменилась по сравнению в древнегрузинском роль именительного падежа, утратившего почти полностью "синтаксическую силу". Одновременно расширилась сфера употребления дательного падежа:

"Рост удельного веса дательного падежа начался в инверсивных глаголах: в непереходных глаголах, которым была характерна инверсия в группе настоящего времени, стало выражаться имя в дательном падеже – davits ḳḳavs, akvs, uḳvars "Давид имеет, любит" ("У Давида есть")... В древнегрузинском языке было mat sḳḳuris, moakunda "Они жаждут, несут", в новогрузинском имеем mat sḳḳuriat, moakvt...

Инверсивный глагол согласовался с формой дательного падежа в числе, поскольку реально был активным. В дальнейшем множественность I и II лица выражалась в глаголе по ана-

логии: *čven gvibrzana, gvixra... tkven gibrzanat, gitxrat* "нам приказал, сказал... вам приказал, сказал...". Дательный падеж не согласовывался ни с одной из параллельных древнегрузинских форм – *mo-m-ec* и *mo-gw-ec čwep*. В новогрузинском языке на префикс была возложена функция выражения I лица и числа. Префикс *gv-* одновременно обозначал и I лицо и множественное число... По этой же причине в глаголе выражается множественность местоимения *čwep* в именительном падеже: *čven gvako, šegvaçuxa* "нас хвалил, беспокоил..." Инверсия глагола, аналогия, превращение префикса *gw-* в единственный префикс множественного числа объекта I лица, а также восточногрузинская диалектная норма – *eķitxobodat mat is* "спрашивает им он", *gasparat mat is* "тайно ушел от них" – способствуют усилению синтаксической роли дательного падежа" (98, 274, 275).

Имя в форме множественного числа с показателем -n, как правило, отражается в древнегрузинском глаголе, хотя и встречаются примеры несогласования в числе (74).

В современном грузинском языке более употребительна форма множественного числа с формантом -eb. В древнегрузинском языке эта модель была непродуктивной, как предполагает А. С. Чикобава, в силу диалектного происхождения форманта (98, 270).

Итак, личные показатели в древне- и новогрузинском языке представлены префиксами, тогда как число в глаголе выражается посредством суффиксации. Суффиксом же выражается и третье лицо *s, a, o, n*, однако это явление в специальной литературе признается вторичным (97, 40-41; 92, 107, 109; 104; 98).

Третье лицо оформилось позже первого и второго, в сванском языке третье лицо также выражено префиксом (83, 17, 25).

Рассмотрим кратко происхождение личных аффиксов в картвельских языках.

Исходя из истории формирования личного спряжения, следует предположить, что личные показатели восходят к показателям классов.

Показатель I субъектного лица *v-* Г. В. Рогава увязывает с аффиксом абхазского языка *w-*, посредством которого в классе человека обозначается II лицо (мужчины). Г. В. Рогава считает формант *v-* древнейшим общекавказским показателем категории человека, а объектный префикс *m-* интерпретирует как вариант *v-* (164, 9; 66, 446).

Показатель *S₂* и *O₃* в древнегрузинском языке представлен аффиксами *x // h* и *hs // s* (128, 113-261; 126, 265-279; 129, 280-299; 174).

Выражение *S₂* и *O₃* одним и тем же формантом, по мнению А. С. Чикобава, свидетельствует о вторичности этой функции для данного аффикса, служившего, по-видимому, показателем грамматического класса (101). Той же точки зрения придерживается Г. В. Рогава (69, 447), считающий также, что варианты аффикса *h // x* в древних текстах являются графическим отражением определенной литературной традиции (67, 292). Соответствующими графемами (*h* и *x*) мог обозначаться некоторый переходный звук (67, 289).

Параллельное употребление формантов *h // x* в памятниках древнегрузинского языка, помимо проблемы их функциональной нагрузки, выдвигает вопрос хронологического взаимоотношения аффиксов.

И. А. Джавахишвили считает, что звук *h* восходит к *x* (12, 298-299).

По мнению Г. С. Ахвледиани, ко времени создания т. н. "ханмэтных" и "хаэмэтных" текстов личные показатели *x-* и *h-* в живой речи уже были утрачены, что и обусловило смешение их на письме (3, 100).

А. Г. Шанидзе понимает ханмэтность и хаэмэтность как явление диалектной природы (116, 360).

Иначе интерпретирует это явление Т. Б. Гониашвили, которая предполагает, что аффикс *x* в эпоху создания названных текстов уже не употреблялся в речи, а показатель лица *h*- соответствовал норме (9, 142, 145).

Мнение А. Г. Шанидзе разделяют Ал. Л. Ониани, З. А. Сарджвеладзе, Р. Ш. Энукашвили.

В частности, А. Л. Ониани считает, что переход *x > h* первоначально произошел в позиции перед гласным *i*: *xi > hi*. В подтверждение автор ссылается на *haэметные* формы, зафиксированные в ханмэтных текстах (56, 37, 57, 58).

З. А. Сарджвеладзе вслед за А. Г. Шанидзе признает форманты *x // h* принадлежностью разных диалектов и отвергает предложенную Г. В. Рогава интерпретацию, согласно которой, как было сказано выше, указанные варианты отражают различные литературные традиции. З. А. Сарджвеладзе считает сомнительным наличие в древнегрузинском языке переходного звука *x // h* (76, 29, 37).

В качестве одного из аргументов в пользу утверждения о том, что *haэметность* уже не соответствовала норме VIII века, З. А. Сарджвеладзе указывает на ранговое расположение личных показателей в ханмэтных и *haэметных* текстах:

На первом месте стоит формант III объектного лица, а за ним следует показатель I субъектного лица – *miхихede* "взглянул на него я" (Прот. Еванг. 70), *aхumarte* "возвел то я" (Уканг. надпись I), *aхumarte* "возвел то я" (надпись Цхиси), *mihuguaге* "преподнес ему я" (*haэмет.* 370), *hiqор* "делаю то я" (*haэмет.* 388).

С IX века порядок личных аффиксов меняется, теперь в первой позиции стоит показатель *S₁*, а *Oз* оказывается на втором месте: *ayvhmarte* "возвел то я", *miνscem* "дам я то" (76, 25).

Некоторые специалисты (Г. А. Климов, А. Л. Ониани, Т. В. Гамкрелидзе) интерпретируют последовательность аффиксов *Oз +S₁*, как показатель *S₁* (144, 225; 58, 165; 3); М. А. Сухишвили

считает, что формант сванского языка *хи-* служит показателем *S₁*. По мнению автора, засвидетельствованная в ханмэтных текстах последовательность личных показателей *Oз +S₁* получена в результате метаанализа последовательности *S₁ + Oз*. Произошло это под давлением фонетической структуры, а впоследствии сама последовательность была осмыслена как формант *S₁* (78, 57).

Р. Ш. Энукашвили считает, что *S₂* и *Oз* обозначались разными аффиксами, а именно – второе лицо субъекта выражалось формантом *x-*, а третье лицо объекта имело показатель *h-* (19, 177).

С точки зрения истории грузинского языка важно не только выяснить хронологическую последовательность *h-//x-*, но и установить их исходную функцию. Этот вопрос исследовали многие специалисты. Наиболее убедительным представляется мнение, согласно которому названные аффиксы понимаются как показатели класса (101, 450; 164, 287; 66, 447; 65, 65; 84, 56).

Иначе трудно объяснить обозначение двух, грамматически различных лиц – объекта и субъекта – одним и тем же аффиксом¹.

Как справедливо замечает Г. В. Рогава: "Показатели классов, с одной стороны, сохранились как "мёртвый морфологический инвентарь"; а с другой – эти аффиксы выражают новые морфологические категории: лицо, число, падеж и др." (66, 16).

О древней функции формантов *h-//x-* как показателей класса свидетельствует также тот факт, что комбинация *Oз +S₁* в ханмэтных текстах встречается перед глагольными основами, начинающимися как с гласного, так и с согласного:

¹ Учитывая показания древнегрузинских источников и других полиперсональных глаголов иберийско-кавказских языков мы считаем неудачной попытку объяснить последовательность *Oз +S₁* на основе принципа "префиксального моноперсонализма" (3).

Показатель III лица косвенного объекта

mas **xurkwi** me çarved da çarvidis

"говорю одному, пойдди, и идет" (Мф. 8, 9)

ori sxuai talanți **šexwzine**

"другие два таланта я приобрел для них" (Мф. 25, 22)

ese mtavarsa mas çwen **xuarçmunot**

"Мы убедили его (правителя)" (Мф. 28, 14)

Показатель III лица прямого объекта

Обозначение прямого объекта в дательном падеже посредством префикса х- // h- нормативно для ханмэтных и хаэмэтных памятников (76, 114, 115, 116): aḡuḡqorceb "брошу то я" (Древ. 364), xwiḡqode "сказал бы то я" (Древ. 320), huqor "делаю то я" (Хасмет. 388), hvcode "согрешил я ему" (хаэмэт. 388).

В рукописях последующего времени встречаются иные глагольные формы с показателем I субъектного лица на первом месте, в которых формант Oz представлен вариантами h и s (вместо х) или утрачен полностью: vhrkwı "сказал я ему то", vçwi "скажу я ему то", ševszine "приобрел я ему то", vaçmunot "убедим мы его"...

Последовательность Oz +S₁ в ханмэтных текстах встречается и в непереходных глаголах: gardaxuqed – arasada mcnebasa šensa **gardaxuqed** "и никогда не преступал приказания твоего" (Л. 15, 29).

Возможно, в непереходных глаголах такая последовательность личных аффиксов возникла по аналогии с переходными глаголами.

Последовательность Oz +S₁ в данных глагольных формах специалисты признают результатом метатезы (129, 186; 110, 141; 22, 95).

С нашей точки зрения, в данном случае следует говорить не о метатезе, а о пережиточном сохранении древнего грамматического явления в ханмэтных и хаэмэтных текстах. Это явление

отражает период развития языка, когда нейтральный в залоговом отношении глагол содержал в себе аффиксы класса объекта и лица субъекта. Подробное сочетание префиксов в равной мере могло получить распространение в переходных и непереходных глаголах, чем и объясняется, должно быть, способность аффиксов х // h выступать в роли показателей прямого и косвенного объекта (Ср. моно-классное спряжение аварского языка, классно-личное спряжение лакского, даргинского, бацбийского, абхазского языков). Описанный процесс относится, видимо, к этапу классно-личного спряжения.

В специальной литературе распространено мнение о том, что выражение субъекта в переходном глаголе вторично (101; 35, 5, 13; 77; 100; 105).

В абхазском языке личные показатели ряда "d" в соответствии с синтаксической функцией используются в роли формантов субъекта непереходных глаголов и прямого объекта переходных глаголов (164, 390; 391; 115).

Префикс х // h, сохраняющийся в ханмэтных текстах, функционально аналогичен абхазским аффиксам ряда "d", что и обусловило анлаутную позицию аффикса в глаголе. Правда, глагол грузинского языка не сохранил присущую абхазскому языку стабильность позиции показателей класса и лица. Прослеживаемая с IX века последовательность S₁ + Oz возникла в результате метатезы, и предохранялась она не только фонетическими условиями, но и ростом удельного веса субъекта.

В настоящее время класс человека в абхазском языке обозначается посредством аффиксов ряда "d", которые восходят еще к периоду моноперсонализма (классного спряжения) (66, 443). Исторически аффикс "d" выражал категорию вещей (164, 9-12, 1, 154). Позже он перешел в категорию человека и использовался для обозначения класса женщины, а затем получил статус показателя класса человека в целом (66, 445).

В переходном двухличном глаголе абхазского языка на первом месте стоит показатель ближайшего (прямого) объекта ряда "d", а на втором – показатель субъекта ряда "l": də – z – bojɬ "его я вижу", də – l – gojɬ "его она видит"...

В переходном трехличном глаголе на первом месте – показатель ближайшего (прямого) объекта ряда "d", затем следуют показатели косвенного объекта и субъекта ряда "l" (31, 1-27): j-lə-l – tojɬ "она ей что-то дает"; j-b-a-s-hoojɬ "Я тебе (жен.) что-то говорю..."

С нашей точки зрения, зафиксированная в ханмэтных и хаэмэтных памятниках грузинского языка последовательность личных аффиксов аналогична описанной выше последовательности аффиксов абхазского языка.

В грузинском языке формант x // h, в отличие от абхазского языка, обозначает и косвенный объект.

Учитывая, что указанные морфемы на предшествующих этапах развития языка служили показателями грамматического класса, префиксы x // h в роли формантов косвенного объекта можно квалифицировать как отражение исходного положения (когда косвенный и прямой объекты выражались одним и тем же аффиксом) и предположить аналогичную ситуацию для абхазского языка.

Однако вернемся к вопросу генезиса личных показателей.

Г. В. Топуриа считает несомненным, что личные показатели грузинского языка по происхождению являются формантами классов S₁ и O₁ v > gv, S₂ и O₃ x // h // s в переходном глаголе выражали класс объекта, а в непереходном – класс субъекта (84, 57-58).

Древнейшим показателем O₃, по мнению А. С. Чикобава, является суффикс -n, предшествующий суффиксам -s и -a.

III лицо оформилось позже других лиц и форм множественного числа. Поэтому III лицо выражается разными суффиксами.

Форманты -s и -a относятся к разным диалектным источникам и формациям. Суффикс -s увязывается с местоимением III лица isi "он..." Формирование III лица ознаменовала важнейший сдвиг в истории грузинского языка – префиксальный язык обращается к суффиксации (97, 15-16, 40).

Подобно личным показателям, форманты числа также признаются полученными от классных показателей.

Суффикс -n исторически являлся показателем класса вещей.

Суффикс -t получен из -d в абсолютном конце слова в результате оглушения и аспирации (xvarid, vart "мы есть"). Наиболее древним показателем множественности является d>t, затем следуют -n и -s, а самый новый аффикс -eb (108, 66-67).

А. С. Чикобава считает, что показатель III лица морфологического объекта -n получен от суффикса -en, о чем свидетельствуют формы kɪna "убивал", šcamkɪvna "нарядил их", где редукция гласного в глагольном корне была вызвана ныне утраченным вокальным сегментом e аффикса -en (92, 112-113).

По мнению Г. В. Рогава, показатель множественности III лица -an получен из -en: čɪan < čɪen "они режут", ɪɪan < ɪɪen "они плачут"... Таким образом возникает возможность рассматривать в одной плоскости три показателя множественного числа: -es // -en // ed, объединяемые гласным -e- (71, 77).

С нашей точки зрения, тот же гласный -e- можно выделить в форманте множественности -eb.

К. Д. Дондуа считал, что формант -eb употреблялся в категории вещей, а суффикс -n был показателем класса человека (142).

Итак, показатели лица и числа в грузинском языке генетически являются формантами классов, некоторые из них получены от местоименных основ (ср. положение в абхазском языке).

Возможно, показатели классов фигурируют и в местоименных словах; ср.: *v-in* "кто", *i-s-i* "он", *i-g-i* "он", *m-at* "они (эрг.)" (160, 132).

В занском и сванском языках, как и в грузинском, представлено личное спряжение. Личные аффиксы здесь также являются префиксами, а число выражается посредством суффиксов. III субъектное лицо выражено суффиксом.

Реально глагол мегрело-чанского языка, подобно грузинскому, способен отражать лишь два лица (95, 86-178).

В сванском глаголе могут быть представлены три лица: субъект и два объекта (83, 17, 169, 176).

Единственная существенная особенность, отличающая сванский язык от грузинского, и от мегрело-чанского, – это категория инклюзива / эксклюзива.

Некоторые специалисты считают инклюзив / эксклюзив общекартвельской категорией (см. выше), однако, как убедительно показал А. С. Чикобава, эта категория возникла на сванской языковой почве (см. выше).

Для иллюстрации всего сказанного выше о категориях лица и числа приведем примеры из оригинальных и переводных памятников древне- и новогрузинского языка.

Одноличные глаголы

Древнегрузинский язык

В одноличных глаголах в древнегрузинском, как и в новогрузинском, выражается только субъект в единственном и множественном числе:

1. *rata ganveṭeo da vikmne me miṣa* (II, 17)
"Дабы удалился я и превратился в прах"
2. *gametu iamavari vari* (II, 42)
"ибо я есть единственный сын".
3. *anu srul xara adgilsa mas?* (II, 40)
"и знаешь ли эти места?"
4. *da nu šexval gzata sicruisata* (II, 39)
"и не ходи путями беззакония"
5. *da aṣ, švilo, ṣarved ninevit* (II, 52)
"...итак, сын мой, выйди из Неневи"
6. *vitarka mocemul ars čuenda sxoreba upliša mier, egrca v sxondebit* (II, 41)
"Как дарована нам жизнь от бога, так и живем"
7. *gametu davglaxaḳenit priad* (II, 40)
"ибо обнищали мы весьма"
8. *mivedit da gamoiḳitxet češmaritad qrmisa mistvis* (5, 262)
"Пойдите и узнайте все доподлинно о младенце том"
9. *švilni arasnculni i švebian* (II, 43)
"Дети небальные родятся"

В первых двух примерах показателем S_1 служит *v-*; в третьем и четвертом предложениях S_2 выражен формантом *x-*; в пятом и девятом примерах показателя S_2 нет, поскольку эти формы положительного повелительного наклонения; в отрицательном повелительном наклонении показатель S_2 восстанавливается: *ar ṣa-x-videt!* "не уходите!", *ar mi-x-videt!* "не ходите (ту-

да)!" В шестом и седьмом предложениях S₁ выражен формантом v-, а множественность выражается суффиксом -t; в последнем, девятом предложении множественное число S₃ выражено суффиксом -ап...

Новогрузинский язык

1. v z i v a r d a š e v ç v r e t ç e m ç i n s a n t e l s a (16, 34)
"Сижу и гляжу не свечу перед собой"
2. a b a p a t a r a x a n s d a d e g ... (16, 208)
"Ну-ка, погоди немного..."
3. m x o l o d š e š a t ç a s u n e b s (6, 258)
"Лишь дрова потрескивают"
4. u r a n i t ç e ç e l a v s , p u s p u s e b s (6, 257)
"Дремучий лес волнуется, хлопочет"
5. d a m a s z e v l a z ç a n d a r o b d i t (16, 76)
"... и болтали о нем"
6. v i ç e k i t d a v n e b i v r o b d i t (16, 76)
"... лежали и наслаждались"
7. a g e r t k v e n c h k r e b i t t a n d a t a n a (16, 42)
"Вот и вы постепенно угасаете"
8. t k v e n ç e m t a n i v l i t g a u q r e l a d (16, 42)
"Вы будете ходить со мной не разлучно"
9. t k v e n i m ç e r v a l n i a ç a r s ç a n a n d a m š v e n i v r a d c a s a ç a r u m ç o b e n (16, 42)
"Ваши вершины больше не видны и не украшают небеса"
10. s x e n e b i c š o r i a x l o s g a i n a b n e n (16, 257)
"Лошади тут же, неподалеку притаились"

I пример – показатель S₁ v-, II пример – показателя S₂ нет, поскольку глагол стоит в форме положительного повелительного наклонения; III и IV примеры – показатель S₃ -s; V и VI – множественность S₁ выражена формантами v-t; VII – множественность S₂ выражена формантами h-t; VIII – S₂ во множествен-

ном числе выражается суффиксом t; префикс S₃ утрачен в позиции перед гласным; IX – множественность S₃ выражена суффиксом -ап; префикс s- избыточен; X – множественность S₃ выражена суффиксом -пеп.

Двухличные переходные глаголы

Древнегрузинский язык

1. m e v i t x o o s i ç u d i l i (II, 38)
"Буду просить смерти"
2. d a a r a š e v a g i n e s a x e l i ç e m i (II, 38)
"И не возведу хулу на имя мое"
3. g a m o i z i e i g i , r a m i x w i d e , d a m o u ç e (II, 40)
"Расспроси его, как приедешь (туда), и возьми"
4. v i n a h p o o z m a t a ç u e n t a g a n i n a ç l u l e v a n i (II, 36)
"Кого найдешь из братии нашей..."
5. d a m o v i q v a n o t i g i d a m i v i q v a n o t m a m i s a š e n i s a (II, 42)
"И приведем его и отведем к отцу нашему"
6. n u e g r e z r a x a v t (II, 37)
"Не говорите так"
7. d a a ç ç e s ç o v e l i n a ç o r i m i s i (II, 36)
"... и срезали все плоды его"
8. m o ç l e s i g i o r t a z e t a m i s t a d a ç a r i v l ç o d e s i g i n i (II, 30)
"Убили его двое сыновей его и скрылись они"

В двухличных переходных глаголах выражается субъект и прямой объект. Причем, показатель субъекта представлен в глаголе регулярно, а формант прямого объекта исчезает перед гласным анлаута основы, в бесприставочных глаголах (за редким исключением), а также в форме III лица II серии времен и наклонений.

В первом из указанных выше примеров представлен S₁ v-, показатель прямого объекта исчез в позиции перед гласным; в ханмэтных и хаэмэтных текстах та же форма будет иметь вид –

*xwitxoo, *hwitxoo. Во втором примере: S₁ v-, прямой объект III лица во второй серии не представлен. Третий пример: нет ни S₂, ни O₃; объектный показатель исчез в позиции перед гласным, S₂ не представлен в положительном повелительном наклонении.

Четвертый пример: представлен только S₃; S₂ элиминирован на фонетической основе. Пятый пример: множественность S₁ выражена формантами v- -t, O₃ исчез в позиции перед гласным; в ханмэтных и һаэмэтных памятниках предположительны формы *moxwiqvanot, *mohwiqvanot. В шестом примере представлен только суффикс множественности -t; показатели S₂ и O₃ утрачены на фонетической почве; в ханмэтных текстах должно быть *xzgaxavt. В седьмом и восьмом примерах фигурирует только показатель множественности -es. O₃, третье лицо объекта во II серии не представлено.

Новогрузинский язык

1. mas aket, raḳi šendami v s a n me siqvaruli (16, 72)
"С тех пор как познал я любовь к тебе"
2. g a d a v ç q v i ṭ e da ori dḳis šemdeg ḳaxeti gadavçeri (6, 254)
"Решил (я) и два дня спустя пересек Кахети"
3. im xmebši v g r z n o b d i me raḳacas nasnobs, mšobliurs (16, 41)
"В тех голосах я чувствовал что-то знакомое, родное"
4. me trtolvit v s ç v r e ṭ d i lažvard cazed tkvensa simayles (16, 41)
"Я с трепетом вглядывался в вашу высоту на лазурном небе"
5. ḳmertma š e h k m n a marṭo cremli (16, 89)
"Бог создал только слезы"
6. g a m o a b o l a paḳirosi da mohqva laparaḳsa (16, 203)

- "Затянулся папиросой и продолжал говорить"
7. mere, roca daksaksulni usxo xalxma xelta gvigdo (16, 76)
"Потом, когда нас, раздробленных, захватил чужой народ..."
  8. čven čvens saḳutars ubedurebas vera vxedavt (16, 195)
"Мы наше собственное несчастье не видим"
  9. saxeli rit m o v i x v e ç e t ? (16, 75)
"Чем мы прославились?"
  10. da, vai, tkven ḳi zma zmis sisxlsa svamt (16, 93)
"А вы же пьете кровь братскую"
  11. luḳma-naṭrulni crtmanetsa s ç a m t (16, 93)
"Изголодавшись едите друг друга"
  12. mogvḳribes da š e g v a m ç q v d i e s (16, 77)
"Собрали нас и заточили"

В примерах I, II и III S₁ представлен показателем v- аффикса прямого объекта нет. Пример IV: S₁ -v, O₃ -s пример V: O₃ представлен показателем -h, S₃ - формантом -a. Пример VI: S₃ выражен суффиксом -a, O₃ во второй серии не представлен. Пример VII: префикс gv- выражает множественность O₁, суффикс -o служит показателем S₃. Примеры VIII и IX: S₁ во множественном числе выражен аффиксами v - t, показателя O₃ нет. В примере X выражена множественность S₂ (показатель -t), форманта O₃ - нет. Пример XI - выражены O₃ - показатель -s и множественность S₂ - суффиксом -t. Пример XII - множественность O₁ выражена префиксом gv-, S₃ суффиксом -es.

Двухличные непереходные глаголы

Древнегрузинский язык

1. rametu m i q m s me, rata mixwide čem tana da migce (II, 40)
"Ибо призывает меня, дабы пришел ко мне, и дам тебе"
2. mas dḳesa šina š e x u d a saras (II, 37)

"В день тот встретил Сару"

3. moçqalebani šenni moevlinebian (II, 21)

"Милость твои явятся им"

В первом примере O_1 выражен префиксом m-, S_3 - суффиксом -s. Во втором примере представлен S_3 суффиксом -а, показатель O_3 отсутствует. Третий пример – показатель O_3 утрачен в позиции перед гласным, множественность S_3 выражена суффиксом -ап...

В соответствии с нормой древнегрузинского языке в друхличном непереходном глаголе должен быть показатель косвенного объекта х//h//s, который утрачивается, однако, в позиции перед гласным.

Новогрузинский язык

1. čems samšoblo kveqanas v u a x l o v d e b o d i (16, 198)
"Я приближался к родной стране"
2. vzivar da ševçvret čem çin santelsa (16, 43)
"Сижу и смотрю на свечу предо мною"
3. matis γvaçlit šegekmnes saxe bedit mtenia (16, 86)
"Их трудами пусть станет лицо твое счастливым"
4. tumca zvelni da gšordnen, ahalni xom šenia (16, 86)
"Хотя старые покинули тебя, новые ведь твои"
5. šemaçuxe amden kitxvit (16, 78)
"Замучил ты меня вопросами"
6. γuγuni igi čamrčenia guls (16, 131)
"Тот гул остался в сердце у меня"
7. mzera kvlav sçqurian tvals (16, 92)
"Глаза вновь жаждут видеть..."
8. visica xeli pirvelad dasçvdeba ima aqvansa (16, 87)
"Чьи руки впервые дотянутся до колыбели"
9. mat tvis mkerdit šehmusrön mterta simagrenia (16, 86)
"Они своей грудью разрушат вражьи крепости"

Примеры I, II – S_1 представлен префиксом v-. III пример: префикс g- выражает O_2 ; суффикс -s выражает S_3 . Пример IV – O_2 выражен префиксом g-, множественность S_3 обозначается суффиксом -nep. Пример V: O_1 – m-; S_2 - не представлен. Пример VI: O_1 – m-, S_3 – а. Пример VII: O_3 – s-, S_3 – -t. Пример VIII: O_3 – -s, S_3 – -а. Пример IX O_3 – -h, множественность S_3 выражена суффиксом -п.

Трехличные глаголы Древнегрузинский язык

Трехличные глаголы всегда переходны. В трехличном глаголе представлены субъект и косвенный объект. В древнегрузинском языке, кроме того, может быть выражена и множественность прямого объекта.

1. rata v a u ç q o mas vidre siçudidmde čemda (II, 38)
"Дабы возвестил я ему до смерти моей"
2. purisa šenisagan s c i mširsa (II, 39)
"От хлебов своих воздай страждущему"
3. mi h p i n e puri šeni saplavsa zeda martalsa (II, 39)
"Разложи хлеб свой на святом погребении"
4. dovelsa romelsa m a m c n e b me, çorit vqo (II, 40)
"Все, что возведишь мне, претворю"
5. da mi g c e sasqideli šeni (II, 40)
"И дам тебе цену твою"
6. da mermeça ševsvzi no sasqidelsa šensa zeda (II, 41)
"И лишь потом приобрету ему..."
7. da mi s c a mas mayalman madli da xaçovaneba çinaše salmansar merpisa (II, 35)
"И даровал ему высокий благо... пред царем Салмансаром"
8. ... da mo ad ga zγude garemo misa (II, 53)

"...и окружил стеной... его"

9. da nacargardasxmulni varšamangta matta šesçirvides msxuerplsa (II, 57)

"И посыпаемые пеплом... жертвовали жертву"

10.rata mogsen igi šen colad (II, 42)

"Чтобы дали её тебе в жены"

Пример I: S₁ – v-; Пример II: S₂ – s-, I показатель косвенного Оз исчез в позиции перед гласным. В примере III выражен Оз префиксом h-, показателей S₂ и Оз нет. В примере IV выражен О₁ префиксом m-, показатели S₂ и Оз прямого отсутствуют. Пример V: Оз косв. представлен префиксом g-, S₁ и Оз прямого об. отсутствуют. VI бут прямой объект III лица во множественном числе, форма приняла бы вид ševsžinno. В VII примере Оз косв. выражен префиксом s-, S₃ – суффиксом –а. В примере VIII представлен только Оз – суффиксом – а. В примере IX представлены Оз косв. – префиксом s-, и множественности S₃ – суффиксом –es. В примере X выражены О₂ косв. g-, S₃- множ. –en, Оз прям. не представлен.

Новогрузинский язык

1. magram tkven xsovnas ver mivsem me daviçqebasa (16, 41)

"Но память о вас я не предам забвению"

2. ros sidiade tkveni mgvrida kanqals, žžolasa (16, 41)

"Когда величие ваше сотрясало меня"

3. tkven šegçiodit (16, 42)

"Вам жаловались мы"

4. mašin ar sçemdit nuçšs (16, 42)

"Тогда не утешили вы их"

5. usxoetidam kvlav mogaçvdent çems guls da tvalsa (16, 42)

"Из чужбины по-прежнему вручу вам мое сердце..."

6. ros sašvelad moçveulma çagviçira toki qelši (16, 76)

"Когда призванный на помощь затынул нам веревку на шее"

7. dabla qmebsa vçovdit tvinsa (16, 78)

"Высасывали мы мозги рабов"

8. an tvit erma tvisi cremlı zed tbad ristvis daadına (16, 87)

"... и зачем сам народ прилил над ним свои слезы"

9. aba dıçs me vis ra varge? (16, 90)

"Сегодня же чем я кому полезен?"

Пример I: показатель S₁ – v- формантов Оз косв. и О прям. нет. Пример II: О косв. выражен префиксом m-, S₃ – суффиксом –а, Оз прям. не представлен. В примере III выражено множественное число Оз косв. – показатели g – t, суффиксы S₁ и Оз прям. отсутствуют. Пример IV: представлены Оз косв. – префиксом s-, S₂ множ. – суффиксом –t, Оз прям. отсутствует. В примере V представлена лишь множественность О₂ косв. g – t, S₁ и Оз прям. не представлены. Пример VI: О₁ косв. выражен префиксом gv-, S₃ – суффиксом –а, Оз прям. не выражен. Пример VII: множественность S₁ выражена аффиксами v – t, Оз косв. и Оз прям. не представлены. В VIII примере выражен S₃ – суффиксом –а, объекты не представлены. В примере IX – S₁ префиксом v-.

§2. Категории лица, класса и числа в абхазском языке

Впервые категории лица, класса и числа в абхазском языке описал Г. Розен.

Множественность субъекта, по мнению исследователя, выражается в личных местоименных префиксах, которые не изменяются по временам (196, 77), личные показатели сходны с местоимениями (196, 78); прямой объект (на который переходит действие) выражается в глаголе посредством местоимения; объ-

ектные префиксы не отличаются от субъектных. Субъект и объект различаются по смыслу и местом в глаголе; в начале глагольной формы стоит показатель объекта, далее следует показатель субъекта (196, 80).

Г. Розен не различает переходные и непереходные глаголы в зависимости от позиции личных аффиксов.

Важные наблюдения над интересующими нас категориями принадлежат П. К. Услару (170), который, в частности отметил, что в глаголе выражаются лицо, класс ("род") и число (170, 16).

Деление на классы производится по признаку разумных и не разумных существ (170, 17).

Личные показатели не изменяются по временам (170, 22).

П. К. Услар не только правильно выделил показатели лица, класса и числа, но и отметил их расположение в переходных и непереходных глаголах (170, 57-59).

Показатель d- служит формантом III лица ед. числа класса человека, независимо от пола (170, 18-19). Класс неразумных существ обозначается показателем i- (170, 45). Субъект III лица множественного числа класса вещей в переходном глаголе обозначается префиксом па- (170, 53).

П. К. Услар замечает также формы с релятивным местоимением (170, 50), случаи озвончения личных показателей (170, 45-47) и рассечения основы, но не видит причины этого явления (170, 52).

Категории лица, класса и числа в абхазском глаголе рассматривал и Н. Я Марр (159, 1-33).

Подобно яфетическим языкам, отмечает Н. Я. Марр, в абхазском языке имеются релятивные формы, которые одновременно выражают отношение к прямому и косвенному объекту. При этом в глагольной форме на первом месте стоит показатель прямого объекта (напр., j-), затем косвенного объекта (напр. u-) и наконец – субъекта (например, s-) (159, 1-33).

Г. Деетерс выделяет в абхазском языке поссессивные (s, j, l, (n) a, h(a), š, r || d), субъектные (z, u, b, d, (j), (aa), (žo), j) личные аффиксы. В том числе, форманты u, b, j, l обозначают пол, j, l, d – служат показателями класса разумных существ, (n)a, (j) – обозначают класс неразумных существ, формант z выражает неопределенную поссессивность, j является субъектным показателем (187, 293).

Следующие ниже суждения главным образом основываются на положениях К. В. Ломтатидзе:

В абхазском языке действует классно-личное спряжение, возникшее в результате развития классного спряжения (107, 51-63, 181).

Полипсональный глагол абхазского языка отражает лицо субъектка и обоих объектов. Если в глаголе картвельских языков отражаются лишь два лица и множественность третьего (в древнегрузинском языке), то абхазский глагол способен одновременно содержать в себе показатели трех и более грамматических лиц.

Лицо, класс и число в абхазском глаголе выражаются посредством префиксов. Исключение составляет употребляемый в некоторых случаях суффикс -коа, обозначающий множественность класса вещей.

Одной из важнейших для абхазского языка является категория класса человека и класса вещей.

Грамматические классы различаются в глаголе только в форме II и III лица единственного числа; при этом во II лице единственного числа различаются подклассы мужчины (u-sojɬ "ты (муж.) идешь") и женщины (b-sojɬ "ты (жен.) идешь"). В III лице единственного числа различаются класс человека в целом, недифференцированно (d-), подкласс мужчины (u-), подкласс женщины (l-) и класс вещей (префиксы j-, a-, pa-).

Указанные префиксы не только служат экспонентами классов, но выражают также лицо и число субъекта и объекта.

В абхазском языке выделяются два ряда показателей лица и класса.

Показатели, посредством которых в III лице различаются подкласс мужчин, подкласс женщин и класс вещей, условно относятся к ряду "l" (по форманту подкласса женщин l-). Ряд d (по форманту класса человека d-) составляют аффиксы, посредством которых в III лице различаются класс мужчины, класс человека и класс вещей (156, 389-392; 138, 76-77; 151; 180; 175; 137).

Схема показателей лица, класса и числа

		"l"			"d"
I	s-/z-	h-, ha- /aa-	s-	h-/ha-	
II	w- (муж.) b- (женщ.)	} šo-/žo-	w-	} šo-	
			b-		
III	j (муж.) l- (женщ.) -/a-/na- (вещ.)	} r-/d-	d-	} j-	
			j-		

В зависимости от того, показатель какого лица стоит перед корнем и изменяется по лицам и числам субъекта или объекта различается объектный и субъектный строй.

В субъектном строе перед корнем стоит показатель реального или грамматического субъекта, который изменяется по лицам и классам субъекта. Субъектный строй встречается в переходных глаголах.

При объектном строе перед корнем стоит показатель объекта, который изменяется по лицам и классам. Объектный строй характерен непереходным и инверсивным глаголам.

В глагольных формах абхазского языка выделяются т. н. релятивные местоимения, релятивные префиксы, различающиеся по рядам "d" и "l". Употребляются они в причастных образованиях в роли показателей лица и класса: вместо аффиксов ряда "d"

употребляется релятивный префикс i; аффиксы ряда "l" заменяются релятивным префиксом z (i-l-bo "что он(а) видит", j-qa-z-šo "кто делает"...).

В отличие от личных показателей, аффиксы i- и z- лицо, класс и число не различают... Показатель множественности имени в таких образованиях также присоединяется к глаголу и обозначает число. Аналогичное образование присуще адыгейскому языку. Эти формы представляют собой слова-предложения в функции причастия (156, 124).

В абхазском нет дифференциации личных показателей на форманты субъекта и объекта, как это имеет место в картвельских языках. Однако зачатки такой дифференциации все-таки наблюдаются (ср. префикс па-, который обозначает только субъект переходного глагола).

Форманты лица и класса в абхазском языке служат показателями и субъекта и объекта.

Различия в их функциональной нагрузке обуславливаются переходностью (непереходностью) глагола.

Синтаксически личные показатели ряда "d" обозначают: а) субъект непереходных глаголов; б) прямой объект переходных глаголов. Личные показатели ряда "l" выражают: а) субъект переходных глаголов; б) косвенный объект; в) инструменталис – с присоединением определенных частиц.

Показатели лица и классов стоят в начале глагола, и дистрибуция их строго регламентирована.

В целостной форме глагола на первом месте стоит аффикс ряда "d", за ним следует показатель ряда "l".

В непереходном глаголе сначала идет показатель субъекта ряда "d", далее следует показатель косвенного объекта ряда "l" (d-b^a-štaloj^t "Он (разум.) тебя (женщ.) преследует").

В переходных двухличных глаголах на первом месте стоит формант ближайшего (прямого) объекта ряда "d", за ним идет показатель субъекта ряда "l".

В трехличных переходных глаголах за показателем ближайшего (прямого) объекта ряда "d" следуют показатели косвенного объекта и субъекта ряда "l" (j-w-ə-s-tojɬ "я тебе (муж.) даю то(в)").

В инверсивных глаголах (*verba sentiendi*, поссессивных...) показатель грамматического субъекта обозначает реальный объект, а показатель грамматического косвенного объекта выражает реальный субъект. Непереходные инверсивные глаголы могут быть статическими и динамическими. Подобно переходным глаголам, в инверсивных глаголах реальный субъект выражается аффиксами ряда "l", но в действительности подразумевается косвенный объект.

Все переходные глаголы в формах потенциалиса и произвольности становятся инверсивными, т. е. непереходными (32, 154, 138, 100-102, 151).

Как было сказано, лицо и класс в абхазском языке в ед. и множ. числе выражаются префиксами. В сложносоставных переходных глаголах показатель субъекта вклинивается в основу и оказывается в позиции перед корнем: i-qa-s-ɕeɪɬ "я то сделал" (от глагола aqaɕaga "делать").

Это явление носит систематический характер и считается одним из признаков переходности абхазского глагола.

В качестве показателя субъекта класса вещей переходных глаголов с рассеченной основой встречается формант -па а́зма i-qa-na-ɕeɪɬ "коза сделала..." (31, 1-27).

В соответствующих фонетических условиях показатели лица и числа подвергаются определенным изменениям:

Показатели I субъектного лица ед. и множ. числа, II субъектного лица и числа s-, h-, ʃo- в переходных глаголах в позиции перед начальным звонким основы ассимилируются:

s>z, h>aa, ʃo>ʒo

Как установила К. В. Ломтатидзе, личные показатели озвончаются в переходных глаголах. В диалектах абазинского

языка личные показатели озвончаются и в позиции перед смычным согласным основы. В абхазском языке озвончение порой происходит и без необходимых условий: dzəmbɛitɬ||dsəmbɛjt "его я не нашел (не смог увидеть)".

Указанный пример К. В. Ломтатидзе объясняет аналогией с положительными формами, а сами факты этого рода считает свидетельством унификации звонких вариантов личных показателей (31; 36; 45; 155; 72, 161-165; 43, 232-233; 142, 146; 150).

Показатель множественности III лица r- (ряда "l") в позиции рядом с формантом каузатива r- подвергается диссимилиации r>d. По мнению К. В. Ломтатидзе, это фонетическое явление имеет определенную морфологическую основу:

"Генетически эти аффиксы, видимо, идентичны, функционально они разошлись позже... аффикс каузатива не отличался от показателя множественности... возможно, диссимилиация сохранила предположительный облик показателя лица" (33, 91).

Особо следует отметить тот факт, что множественное число в абхазском глаголе обозначается показателем множественности класса вещей -коа: jqaɕɕɛɪɬ "я то сделал" – jqaɕɕakocɬ "я их сделал". Специальное исследование этому вопросу посвятила Р. С. Джанашиа (15).

Суффикс коа- употребляется с глаголами всех типов, но факультативно, присоединяется к основе перед формантами времени и обозначает: 1) множественность прямого объекта; 2) множественность субъекта непереходного глагола; 3) множественность субъекта переходного глагола; 4) множественность косвенного объекта; 5) многократность действия.

Наиболее характерно для абхазского обозначение посредством суффикса -коа множественности прямого объекта и субъекта непереходного глагола, т. е. множественности лиц, выраженных аффиксами ряда "d". Ср.: др. груз. суффикс -en в роли показателя множественности прямого объекта и изредка субъекта непереходного глагола.

По мнению Р. С. Джанашиа, появление суффикса -коа в III лице обуславливается тем, что множественность III лица ряда d выражается одним формантом j-, тогда как в единственном числе того же ряда фигурируют два аффикса: d и j, один обозначает класс человека, другой – класс вещей.

Суффикс -коа в роли показателя множественности лица, выраженного аффиксами ряда "l", для абхазского языка мало характерно, это вторичное явление (15, 247-251).

В ряде обусловленных различными примерами случаев в глаголе абхазского языка не выражается субъект или один из объектов.

Лицо субъекта не находит отражения в переходном глаголе:

в абсолютиве и в форме положительного повелительного наклонения.

А) Показателя субъекта в абсолютиве нет, а действующее лицо уточняется через следующий далее глагол: i-qa-s-çejt "я сделал" – личная форма; i-qa-ça-nə saajt "пришел делая – абсолютив.

Отсутствие субъектного показателя в абсолютиве переходного глагола К. В. Ломтатидзе считает древнейшим явлением, относящимся ко времени, когда в переходном глаголе выражалось только лицо прямого объекта (35, 4-13).

Особо следует отметить, что локальные превербы сочетаются с косвенным объектом только когда они употреблены в конкретном (определенном) значении. Если же они использованы в обобщенном (неопределенном) значении, то представлены без объекта: ašo amaa a-çəjžəçejt "оторвал ручку двери", alʔmħakoə çəižəçejt "оторвал уши".

Показатель косвенного объекта в некоторых случаях редуцируется в результате слияния гласных сегментов морфем. Од-

нако сам показатель, несомненно, подразумевается в составе возникающей таким образом сложной морфемы (45, 60-61).

Личные показатели в абхазском языке получены от личных местоимений. Этот факт отметил еще П. Услар, не опровергается он и в современной специальной литературе (170, 15).

В личных же местоимениях в виде начальных согласных сохранились некоторые экспоненты классов (101).

В абхазском языке, как было сказано, действует классно-личное спряжение. Полиперсональный глагол абхазского языка формировался по мере постепенного распада классного спряжения, сменявшегося классно-личным (69, 443).

В процессе перехода от классного спряжения к классно-личному абхазский язык пошел по пути префиксации. Аффиксы ряда "l" представляют собой разновидность аффиксов ряда "d". Впоследствии эти аффиксы были использованы в функции личных показателей (84, 55).

Аффиксы ряда "d", обозначающие в настоящее время класс человека, относятся еще к периоду моноперсонального глагола (1, 149). Исторически аффикс "d" служил, должно быть, экспонентом класса вещей (164, 9-12; 69, 443, 447; 65, 66).

Деление на классы в абхазском языке основывалось на классификации по признаку "человек" – "вещь" (139, 91-102).

Обозначение экспонентом класса вещей сначала класса женщин, а затем человека в целом вообще характерно для иберийско-кавказских языков. В абхазском языке экспонент класса вещей использован для обозначения категории человека. О происхождении форманта d- свидетельствует его употребление в качестве показателя множественности III лица в форме каузатива (33). В соответствии с общим для иберийско-кавказских языков правилом, показатель множественности не может быть получен из форманта категории человека. Поэтому еще раз подтверждается, что аффикс d- служил показателем класса вещей (1, 151).

Показатель класса вещей d- сначала стал обозначать подкласс женщин, а затем был распространен на весь класс человека.

Общим показателем класса женщин до дифференциации по лицам был, видимо формант b-: p-xoə > b-xoə "женщина", ср. xoə "мужчина", II лицо класса женщин обозначается показателем b-, показатель II лица класса мужчин v- генетически увязывается с общим иберийско-кавказским формантом v-: аварск. vugo "я, ты, он есть"; картв. var, vorek, xvari "я есть" (164, 10).

По мнению К. В. Ломтатидзе, категория абсолютива сформировалась прежде категории времени. Вместе с возникновением категории времени в глаголе стало выражаться лицо субъекта. На этой основе возникли оппозитивные формы абсолютива də-ba-n "он (челов.) видя..." и прошедшего неопределенного də-z-ba-n "я увидел его..."

Б) В форме положительного повелительного наклонения переходного глагола не отражается лицо субъекта:

i-qa-u-ççjt "ты (мужч.) сделал то(в)"

i-qa-ça! "сделай то!..."

К. В. Ломтатидзе допускает некоторую связь принципов образования повелительного наклонения а абсолютива в плане невыраженности субъекта... появление показателя субъекта в переходном глаголе вторично. Первоначально, как и во всех иберийско-кавказских языках, субъект выражался в непереходном глаголе, а в переходном глаголе фигурировал показатель прямого объекта. Иными словами, глагол абхазского языка, подобно глаголу других родственных языков, нейтрален с точки зрения залога (35, 12, 150).

В абхазском глаголе, если ему предшествует местоимение лица или существительное, может исчезать показатель III лица ближайшего объекта класса вещей: аса (j) wə-s-tojt "Я тебе (мужч.) хлеб даю", но в обратном порядке показатель ближай-

шего (прямого) объекта восстанавливается – j-wə-s-tojt аса "... даю хлеб".

В некоторых глаголах с превербами может не быть показателя косвенного объекта, что зависит от значения преверба – конкретного или обобщенного.

В. Х. Конджария считает, что исторически местоимение waга обозначало и женщину, и мужчину (класс человека вообще выражался префиксом v-). Постепенно в функции показателя II лица класса мужчины закрепился формант u- (182, 391-392).

Показатель (j > i), обозначающий I грамматический класс, класс вещей, а отсюда – множественное число, исторически, видимо, идентичен и увязывается с показателем класса вещей r||d... Формант класса вещей па > а, должно быть, связан с тем же показателем *d. Гласный а- был наделен функцией показателя класса вещей после утраты сегмента n-. Изначально же он служил огласовкой показателя класса (ср.: wa- la) (1, 151).

Для абхазского языка реконструируется четырехклассная система:

I v > w

II d > // l

III b(a) // b

IV d // r // n (1).

Исследователи, как мы видели, в основном единодушны в понимании генезиса показателей лица и класса: форманты лица и класса получены от личных местоимений и экспонентов классов.

В тапантском диалекте выделяются те же два ряда показателей лица и класса – ряд "d" и ряд "l".

Показатели I субъектного лица единственного числа и I-II субъектного лица множ. числа в переходных глаголах, начинающихся на звонкий согласный, здесь так же подвергаются

ассимиляции. Озвончение происходит также в одном глаголе, начинающемся с абруптива, ақоабага "купаться" (32, 150, 183).

Тапантский диалект сохранил звонкий спирант ω , давший в абхазском $h > aa$ (показатель I лица множ. числа): ita- ω -žəb "то (в) мы бросим внутрь" (32, §40).

Показателем III субъектного лица класса вещей (в переходном трехличном и духличном глаголе со сложной основой) является префикс па-. В остальных случаях имеем а-. Таково же положение в тапантском диалекте, однако здесь глаголы чаще имеют превербы. Показатель лица оказывается в позиции после преверба и, подобно глаголам со сложной основой, показатель субъекта класса вещей предстает в виде па-, а не а-: ас̣ə danaba "его (челов.) лошадь когда увидела".

А. Н. Генко возводит формант па- к а- и считает, что это произошло в условиях неверного членения синтагмы (135, 191, 168, 109).

Действующая в тапантском диалекте система выражения лица, класса и числа в глаголе материально и функционально совпадает с системой литературного языка.

По существу та же система функционирует в ашхарском диалекте:

1. В некоторых случаях здесь вместе экспонента класса а- употребляется показатель i-, что оставляет впечатление случайного факта: аšo ičəə aajxɪ "он (в) подошел к двери".

2. Слово "другой" во всех диалектах представлено в виде ас̣ə или дас̣ə. В ашхарском имеем гас̣əқ, что подтверждает классификацию по ряду грамматического класса "d".

3. В ашхарском засвидетельствован и неассимилированный (глухой) вариант показателя множественности I лица – ihazoэр "выпьем мы..."

4. В отрицательной форме глагола, где нет условий для озвончения, часто встречается озвонченный вариант личного показателя (36, §35).

За исключением несущественных отклонений, абазинский язык не отличается от абхазского языка в целом с точки зрения образования категории лица, класса и числа.

В адыгейском языке действует личное спряжение: одноличный (монопersonальный) глагол изменяется по лицам субъекта, многоличный (полиперсональный) глагол изменяется по лицам субъекта и объекта.

Личные показатели представлены префиксами. Лишь III лицо множественного числа выражено суффиксом – х̣ (ǎ).

Притяжательные аффиксы встречаются в причастиях, деепричастия и инфинитиве (162, 135-170; 147; 148, 152-157; 173).

Посредством притяжательных формантов обозначаются два падежа субъекта и объекта – номинатив и эргатив. Лицо и число имени в других падежах в глаголе не отражается.

Субъект и объект I и II лица выражаются одним и теми же аффиксами, которые совпадают с корневыми элементами соответствующих местоимений:

I	s(ǎ) – "я"	tǎ – "мы"
II	o(wǎ) – "ты"	si o (sɪwǎ) – "вы"

Префикс III лица в глаголе может быть не представлен.

В глаголе адыгейского языка выделяют три ряда притяжательных аффиксов:

а) первый ряд обозначает имя в номинативе – аффиксы номинативного ряда;

б) второй ряд обозначает имя в эргативе в функции косвенного объекта – аффиксы эргативного ряда;

в) третий ряд обозначает имя в эргативе в роли реального субъекта.

Позиция аффиксов всех трех рядов в глаголе строго определена:

а) аффиксы I ряда в глаголах всех типов стоят на первом месте: sə səqəoɔɣ "я ушел";

б) аффиксы II ряда на втором месте: sə uqəs fəqəoɔɣ "ты пришел ко мне".

в) аффиксы III ряда стоят в позиции перед корнем; в двухличном переходном глаголе они занимают второе место, а в трехличном оказываются на третьем месте: двухл. переход. wa sə sərʃaɣ "ты повел меня"; трехл. переход. aʃ sə wa uqəs fiʃaɣ "он привел тебя ко мне..."

Одноличные глаголы адыгейского языка непереходны. Субъект стоит в именительном падеже. В глаголах этого типа употребляются только аффиксы I ряда, изменяются они по лицам субъекта, строй – субъектный.

В двухличных непереходных глаголах представлены субъект и косвенный объект. Такие глаголы, как правило, имеют производную основу, образованную путем присоединения к одноличным непереходным глаголам префиксов косвенного объекта. Двухличные непереходные глаголы могут иметь притяжательные аффиксы двух рядов – субъектного (глагол изменяется по лицам субъекта) и косвенного объекта (глагол изменяется по лицам косвенного объекта) (161).

В адыгейском языке встречаются трехличные непереходные глаголы, образованные от двухличных посредством аффиксов косвенного отношения. В таких глаголах представлены два косвенных объекта.

В двухличном переходном глаголе на первом месте стоит показатель ближайшего объекта (I ном. ряд), затем – формант реального субъекта, далее следует корень: sə wa usʃaɣ "тебя я повел".

Трехличные переходные глаголы имеют производную основу. Образуются они от двухличных глаголов посредством формантов косвенного отношения и других аффиксов.

Существуют и четырехличные переходные глаголы, но встречаются они редко. Образуются от трехличных глаголов путем присоединения форманта косвенного отношения (в глаголе представлены два косвенные объекта): sə aʃ aɣ ja-s-təɣ "я ему дал то". Присоединение префикса də- дает четырехличный глагол: sə aʃ (aʃ) aɣ dja-s-təɣ "я дал ему то вместе с тем".

В адыгейском языке есть одноличные переходные глаголы, полученные от двухличных переходных глаголов, утративших ближайший объект, но сохранивших признаки переходности – эти глаголы эргативного строя с показателем III лица субъекта. Данное явление имеет место в форме субъектной версии переходных глаголов, где действие, совершаемое субъектом, обращено на субъект же, т. е. субъект выступает в роли прямого объекта.

В адыгейском глаголе, как и в грузинском, во II лице положительного наклонения переходных и непереходных глаголов нет показателя субъекта. В отрицательном повелительном наклонении показатель восстанавливается.

Непереходные глаголы

положит. повелит. накл.

txä! "пиши!" (вообще)	u-mə-tx!	"не пиши!"
qəa! "иди!"	u-mə-qə!	"не ходи!"

Переходные глаголы

txä! "пиши!" (что либо)	u-mə-txä!	"не пиши!"
-------------------------	-----------	------------

(162, 135-170; 147; 148; 141).

Описанное явление характеризует только переходный глагол абхазского языка; в адыгейском языке оно охватило и непереходные глаголы (как это имело место в древнегрузинском языке).

В адыгейском языке есть и инверсивные (непереходные) глаголы.

На основе историко-сравнительного анализа личных показателей адыгских языков Г. В. Рогава установил, что исторически этим языкам были присущи варианты аффиксов I и II лица без огласовки и с огласовкой э-, варианты с гласным ѣ- возникли позже, в результате присоединения префикса динамичности wa- и ja-, слившихся с личными показателями (73, 505).

* * *

Для иллюстрации всего сказанного о категориях лица, класса и числа приведем примеры из абхазской (оригинальной и переводной) литературы и образцы собранного нами фольклорного материала.

Одноличные глаголы

1. jara daara **dəčməzaəwən** (4, 188)
"Он был очень болен"
2. **iqalap** itaxəzar bbara (4, 23)
"Может он хочет видеть тебя"
3. ixə -ičəə **qarxon** (13, 17)
"Лицо её светилось"
4. ixə wax̃ **ixan** (13, 45)
"Голова его была повернута в ту сторону"
5. šta səpsərgəə **sepsaajt** (4, 173)
"Теперь если умру, пусть умру!"
6. maan hasan **dəžabojt** (4, 173)
"Маан Хасан в трауре"
7. ihoan agəəlara **dcejt** (4, 173)
"Сказал и ушел к соседям"
8. **dəcojt** awaəwə g̃ang̃ašə hasan (5, 173)
"Заснул лукавый человек Хасан"

В одноличных глаголах имеется субъектный показатель ряда "d", поскольку одноличные глаголы непереходны. В гла-

гольной форме может не быть и показателя субъектного лица: qarxon "светилось" (подробно об этом см. ниже).

Двухличные переходные глаголы

1. **dəzbaɣom** hoə ašəara imaz (13, 44)
"Не увижу, кто испугался"
2. ubraanza jarg̃ə abaxta **dtərməž̃t** (4, 192)
"До тех пор и его не выпустили из тюрьмы"
3. ubri ala igəə **qaiçawciṭ** (13, 39)
"Этим утешает себя"
4. ažəwəan ačəa təlaq̃ **nəsməž̃t** (13, 41)
"Ни одну страну под солнцем не оставил"

В двухличном переходном глаголе на первом месте стоит показатель ближайшего объекта ряда "d", на втором месте – показатель субъекта класса "l".

Двухличные непереходные глаголы

1. phaḳ sa **dsəmoɣ** (13, 14)
"Есть у меня одна дочь"
2. ubri azə mčəəs səumr̃x̃əzan (13, 15)
"Потому не считай меня насильником"
3. swaa žəəwə – wəḳ sara **šəsəcəz** (13, 17)
"Мои люди, будьте со мной двенадцать человек"
4. urt **irəstan** ahsoa-aṭəsoa (13, 18)
"Шли за ним знатные и рабы"
5. urtkoa zəg̃ə gax̃tə sxə **sakoitxoiṭ** (13, 24)
"От всех их освобожусь"
6. sa **usgəapxoiṭ** (13, 29)
"Мне нравишься"

В двухличных непереходных глаголах на первом месте стоит показатель субъекта ряда "d", на втором – показатель косвенного объекта ряда "l".

Трехличные глаголы

1. ubri aʒam ala **isəʃot** (4, 173)
"Той миской дайте"
2. ахаһо эқоірсаразэ аҭехніқ аzin **imixt** (4, 177)
"Для посыпки камнями он взял разрешение у техника"
3. азэ **sšoaržo** (4, 189)
"Даите (мне) пить воды"
4. jhoan nəʒoalk **narəlaižt** (4, 189)
"Сказал и бросил ком (в них)"
5. рəтрақ ubрақа аšoa **rəcəshəandaz**, аајгоархəп (4, 192)
"Хоть не долго мне петь с ними – подумал он"
6. urt **reipšəstəwjt** laçgaö° marçejö° (13, 6)
"Я приравниваю их к неудачливому охотнику"
7. һəнткар gurgʷən inarala **ilxairgəlejt** (13, 11).
"Царский венец своими руками возложил (ей) на голову"
8. sa iansəmwəx **iwanasəžwam** (13, 15)
"Раз уж (ты) споришь со мной, не прощу (тебя)"

Трехличные глаголы переходны (хотя есть и непереходные трехличные глаголы). На первом месте стоит показатель ближайшего объекта ряда "d", на втором – показатель косвенного объекта ряда "l", и наконец – показатель субъекта ряда "l".

Четырехличные глаголы

1. аһəнҭəрəрəšə asascoa рəту **zlarəkənaçəšəz** imazejnə aқgʷə amaməzt (8)
"У красногрудки не было готово, чем угостить гостей"
2. səzuab dubozar **isəz laho** (8)
"Если увидишь мою дочь, передай от меня"
3. nasgʷə us **səzjaho** uқəaskʷa içəow ašo ckʷa jbzjam (8)
"Потом скажи ему от меня, дверь его избы не совсем хороша"

С точки зрения образования категорий лица, класса и числа грузинский и абхазский язык сближаются по следующим признакам; 1. Полиперсональности глагола. 2. Префиксации лица и класса. 3. Генетической связи показателей лица и класса с экспонентами классов и местоимениями. 4. Дистрибуции показателей лица и класса в переходном глаголе (по данным хан-мэтных памятников древнегрузинского языка, см. ниже). 5. Отсутствия показателей II субъектного лица в форме положительного повелительного наклонения переходных глаголов.

В специальной литературе, как было сказано, указывается, что личное спряжение грузинского языка восходит к классно-личному. Классно-личное спряжение абхазского языка является результатом развития классного спряжения.

Таким образом, исходным для обоих языков признается классный тип спряжения.

В качестве показателя субъекта непереходного глагола и прямого объекта переходного глагола (т. е. древнейшего показателя категории класса) в грузинском языке следует реконструировать формант *x//h //s; в абхазском языке эквивалентом является формант -*d.

Выражение III лица множественного числа посредством суффикса в грузинском языке вторично, так же вторично в абхазском языке выражение множественности категории вещей посредством форманта коа.

Анализ вступающих в синтаксические связи глагольных категорий абхазского и грузинского языков – лица, класса и числа – показывает, что сходство между ними носит изначальный характер, тогда как различия вторичны. В некоторых случаях даже вторичные явления (напр., полиперсонализм, выражение множественности посредством суффикса и др.) имеют общее происхождение, обусловленное общим направлением развития каждого из рассмотренных языков.

Глава II

Одноличные глаголы в грузинском и абхазском языках

Некоторые одноличные глаголы изначально являются таковыми семантически и сочетаются с одним личным местоимением. Такие глаголы условно мы называем органично одноличными. В других глаголах одно из лиц – ближайшего объекта или субъекта – может быть утрачено, глагол, соответственно, становится одноличным. Глаголы этого типа опять-таки условно мы называем неорганично одноличными.

В органично одноличных глаголах, как правило, представлен показатель лица (субъекта или прямого объекта), в то время как неорганично одноличные глаголы могут не иметь (в абхазском) личного показателя.

Органично одноличные глаголы абсолютны, а неорганично одноличные глаголы дефектны. В специальной литературе они трактуются как глаголы с недостающим лицом.

Глаголы описанных двух типов чрезвычайно бедны категориями, вступающими в синтаксические связи. "Отношения" между лицами предполагают наличие показателей нескольких (хотя бы – двух) личных показателей в глаголе. Если же представлено одно лицо, то ни о каких "отношениях", естественно, речи быть не может. Однако одноличный глагол абхазского языка характеризуется одной, неожиданной на первый взгляд, морфологической категорией, требующей особого объяснения:

В некоторых случаях формант той или иной глагольной категории оказывается сращенным с корнем. Однако выраженность в одноличном глаголе категорий, вступающей в синтаксические связи, преимущественно служит свидетельством того,

что ныне одноличный глагол генетически является более чем одноличным.

Прежде всего рассмотрим неорганично одноличные глаголы, которые изучают почти все исследователи картвельских и иберийско-кавказских языков в целом.

Термин *riṅaḳli* ("глаголы с недостающим лицом") впервые встречается в "Грамматике" Антона I (4, 125).

В трудах древних грамматистов встречается также термин *urigo* ("безличный")...

М. Джанашвили называл эти глаголы – *verba impersonalia* и делил на две группы: в обозначающие явления природы" – *kuxs* "гремит гром", *clavs* "блистает молния", *qinavs* "морозит", *civa* "холодно"... и "состояние души" – *saṃcuxarəa* "жаль", *sxadia* "ясно"... (88, 123).

Д. Н. Узнадзе считал, что в распоряжении языка для обозначения явлений природы имеются только глагольные формы, характеризующиеся персональными элементами. Язык вынужден обходить инфинитивные и другие аналогичные формы и обращаться к форме III лица (85, 14-15).

С точки зрения А. Меие, в глаголах, обозначающих явления природы, не следует усматривать личностно определенное действие (195, 196).

Согласно вульгарно-материалистической теории Н. Я. Марра, в основах безличных "неправильных" глаголов ощущается "Дух природы", культовый объект, тотем (158, 314).

И. М. Кавтарадзе делит глаголы названного типа на две группы: "Обозначающие метеорологические явления (*ṣvims* "дождит", *kris* "дует (ветер)", *kuxs* "гремит (гром)"...) и выражающие состояние человека *ṣamcivnebs* "лихорадит (меня)". Глаголы последнего подтипа автор считает двухличными по происхождению, ставшими одноличными... "они не имеют всех времен и употребляются только в единственном числе" (24, 209, 212).

По нашему мнению, прямой объект утрачен в обеих группах, поскольку противопоставлять их по признаку утраты лица неправомерно.

А. Г. Шанидзе выделяет глаголы с недостающим лицом в древне- и новогрузинском языке:

"В древнегрузинском языке объектное лицо представлено во всех глаголах. Даже в безличных глаголах есть субъектное лицо: *clavs* "блещет (молния)", *kuxs* "гремит (гром)"... (120, 61). В новогрузинском языке глаголы типа *grila* "прохладно", *vağa* "годится", *q̄tağa* "достаточно"... имеют только форму III лица.

Эти формы получены из составного сказуемого: *bnela* < *bnel ars* "темно < темно есть", *civa* < *civ ars* "холодно < холодно есть"... др. груз. *cxel iq̄o* > *cxeloda* "жарко было > жарко (было)" (121, 190, 233).

В картвелологической литературе терминами *piṅaḳli* /*urigo* обозначаются глаголы III лица, не имеющие формы I и II лица, и формы с вспомогательным глаголом.

Глаголами с недостающим лицом (*piṅaḳli*), как нам представляется, помимо названных выше, следует признать также формы с утраченным прямым объектом и субъектом. оба названных признака – отсутствие оппозиционных форм и утрата одного из лиц – главным образом и характеризуют глаголы рассмотренного типа: напр.: глаголы *kuxs* "гремит (гром)", *ṣvims* "дойдет" не имеют формы I-II лица, и одновременно – лицо прямого объекта утрачено. В поэтической речи глагол может быть употреблен в I и II лице, но общего правила это не нарушает.

К. С. Гагуа специально изучила глаголы с недостающим лицом в сванском языке (6). Автор предлагает глаголы типа *ṣvims* считать "безличными", поскольку она не имеет формы I и II лица, а глаголы типа *xams* "надлежит" – "глаголами с недостающим лицом", поскольку они утратили одно лицо (6, 146, 147).

Попытка подобной дифференциации терминов не отражает реальной картины: правда, в языке наряду с формой III лица *ṣvims* нет форм I лица *vṣvim me* "дожду я" или II лица *ṣvim ḡen* "ждишь ты". Однако формант III лица *-s* все-таки представлен, что лишает нас права называть эту форму "безличной". В грузинском языке вообще нет ни одного глагола без личного показателя, а раз формант лица представлен, то глагол нельзя считать "безличным". Что же касается квалификации глаголов типа "надлежит" как глаголов с недостающим лицом, то здесь точка зрения К. С. Гагуа вполне приемлема. Но по этому признаку глаголы типа *ṣvims* "дойдет" и *xams* "надлежит" противопоставлять нельзя.

Термин "безличный" применим к рассмотренному типу глаголов грузинского языка. Иное положение в абхазском языке, где имеются глаголы с недостающим лицом и без показателя (который также считается утраченным). Следовательно, соответствующие глаголы абхазского языка условно можно называть "безличными".

Итак, термин *urigo* мы употребляем для обозначения глаголов без показателей лица (как частную характеристику), а сами эти глаголы входят в группу глаголов с недостающим лицом.

В первую очередь рассмотрим одноличные (органично одноличные) глаголы на основе данных древне- и новогрузинского языка.

Одноличные глаголы

Древнегрузинский язык

1. *ṭobi gzata ṣeṣmarit̄ebisata vidoda* (11, 34)
"Товит ходил путями истины и правды"
2. *da aṣ, ṣvilo, ṣarved ninevit* (11, 52)

"и потом не оставайтесь в Ниневию"

3. **mivedit** da gamoiḳitxet čəšmariḳad qrmisa mistwis (5, 262)
"Пойдите, тщательно разведайте о младенце"
4. da **ṭiroda** deda misi da hrkua ṭobis (11, 41)
"Мать его заплакала и сказала товиту"

Во II и III примерах показателя субъекта нет в форме положительного повелительного наклонения.

Новогрузинский язык

1. žurxa **daborialda** (6, 261)
"У Джурхи голова кругом пошла"
2. siqvi **gaṭvrinda** (6, 257)
"Белка притаилась"
3. sxenebic **gainabnen** (6, 257)
"И лошади притихли"
4. daxe, gogor **mimḳvdara** (16, 197)
"Взгляни, как примолк (Терек)"
5. tkven čemtān **ivlit** gauḳrelad (16, 41)
"Вы со мной будет идти неотрывно"

Никакого принципиального различия между древне- и новогрузинским языком нет: в одноличном глаголе выражается субъект, а если последний стоит в форме множественного числа, то и число (за исключением положительного повелительного наклонения).

В новогрузинском языке выделяется ряд одноличных глаголов, сочетающихся ныне с одним лицом, но имеющих два личных показателя:

1. sxenebi šoriaxlos **hpruṭuneben** (6, 257)
"Лошади неподалеку пофыркивают"
2. gosa **hymuodnen** xevši mḳvīrni saṣṭiḳni karni (6, 41)
"...Когда завывали в овраге сильные, жестокие ветры"
3. tkvenni mčvervalni aḳar **sčanan** da mšvenivrad cas aḳar amḳoben (6, 42)

"Вершины ваши больше не видны, и не украшают больше неба"

4. egretac ḳaci zlicri **hkreba** (6, 43)
"Так сильный человек угасает"
5. arasdros, turme ar **sčḳneba** (6, 86)
"Никогда, оказывается, не увядает"

Глаголы, обозначающие явления природы

1. odes **daqda** mze (11, 36)
"Когда закатилось Солнце"
2. **aymohda** mnati aḳmosavalit (2, 45)
"Взошло светило на востоке"
3. miḳvars, bunebav, šeni daḳqobiloba, romlis meoxebitac qoveli ḳame **tendebe** xolme (16, 209)
"Люблю, природа, твой порядок, по которому каждая ночь светает"
4. **dayamda**, čvriḳni varḳḳvavni aentnen, dasxdnen cazeda (3, 28)
"Стемнело, мелкие звезды зажглись"

В глаголах, обозначающих явления природы, и в древне- и в новогрузинском языке, представлен показатель субъекта.

Аналогичное положение наблюдается в мегрело-чанском и сванском языках. В мегрельском выделяется показатель III субъектного лица и вспомогательный глагол –re: uḳumela re "темно, бездна"; в сванском же в некоторых случаях глаголы этого типа, подобно древнегрузинскому языку, образуются посредством вспомогательного глагола -li (груз. ars "есть"): buri li "темно (есть)", ṭebdi li "тепло (есть)"...

Как и в картвельских языках, в абхазском языке глаголы с недостающим лицом образованы от имен.

Глаголы этого типа делятся на две большие группы. В глаголах первой группы вообще нет личного показателя. Такие глаголы условно можно назвать "безличными". В других случа-

ях глаголы (включая, порой, и те, что мы назвали "безличными") содержат формант субъекта.

Таким образом, в аналогичных контекстах одна и та же глагольная основа может быть представлена и с личным показателем, и без него. В таких случаях следует устанавливать причину утраты личного показателя.

Абхазский язык

Глаголы без личноно показателя

1. азаза **psaʔojt** (8, 3)
"Моросит..."
2. рхпən (4, 183)
"Было лето"
3. šəcjt (13, 46)
"Рассвело"
4. məšəʔ wa **čaran** (13, 19)
"Однажды была свадьба"
5. аарən аajtazəqʷowp. **qoandaran** (1, 121)
"Стояла весна, было тепло"
6. **šoahəaran**, **qoašəaran** wi ауха (14, 23)
"Пели, плясали в ту ночь"
7. **tənčrowp**, **čəahačəmtrowp** (14, 59)
"Покой, тишина..."
8. qamačəč lxočə dlərcəan, dixoapšəwa didʔəalowp ахəза іваžəoo, **zənrən**, **xʔtan** (4, 191)
"Камачич сидит рядом, смотрит, подворачивает одеяло, зима, холод был"
9. **čowp**, wažəgaanza saaigəa umaajcəzʔ (13, 29)
"Правда, до сих пор ты даже близко ко мне не подходил"
10. **šəxowp**, wara išəwho aqəzaajʔ (4, 193)

"Добро, пусть будет так, как ты говоришь"

В примере 9 и 10 содержатся повседневные, "истертые" формы, которые уже не воспринимаются как глаголы.

Глаголы, обозначающие явления природы и содержащие личный показатель

1. us išəpšəz amzagʷə **aacərciʔ** (8)
"Пока они ждали, вошла луна"
2. азən daara **ixʔtowp** (8)
"Зимой очень холодно"
3. **išəorəxojʔ** (8)
"Становится жарко, наступают жары"
4. jaajʔ аарən, **jpxərahejʔ** (8)
"Пришла весна, потеплело"
5. **jdədəwejʔ** (8)
"Гремит (гром)"
6. jmacəəswejʔ (8)
"Блещет (молния)"

В глаголах типа šəci "рассвело", рхпən "была весна", аарwiaran "была засуха", čaran "было застолье" показатель субъекта, видимо, утрачен.

По мнению К. В. Ломтатидзе, варианты без личных показателей в подобных случаях употребляются в общем, неопределенном смысле, а варианты с личными показателями имеют конкретное, определенное значение. Напр.: xʔtowp "холодно (вообще)" – ixʔtowp "холодно (сейчас)" (44, 132).

Аналогично абхазскому противопоставление по определенности/неопределенности можно усмотреть и в грузинском языке: tovs "снежит (вообще)" – tovlī modis "снег идет" (более конкретное).

Одноличные глаголы

Как было сказано, некоторые одноличные глаголы абхазского языка представлены в форме той или иной морфологической категории – произвольности, потенциалиса...

Категория произвольности

1. dʒoəwejt "заплакал"
samxaʒoʒwejt "невольно заплакал (я)" (4, 179)
2. dəsocajt "заснул"
samxacoajt "невольно заснул(я)" (18)
3. dəʒəcajt "засмеялся (он)"
samxaʒəcajt "невольно засмеялся(я)" (8)

Категория потенциалиса

1. **izəqalom** psə zxow azoə siccarazə (13, 29)
"Не может быть, пойду с какой-нибудь живой душой"
2. xəgo uj aʒnə arsxooəgax̃ə **dzəmcejt** (4, 184)
"Хигу в тот день не смог пойти на поминки"
3. weizg̃ə hara **hzejnəmaalejt** (13, 42)
"Мы все-таки не смогли поладить друг с другом"
4. abra **səzʒoom** (4, 173)
"Я не могу сесть здесь"
5. аха **səznəjwam** (4, 175)
"Но не смогу прийти (туда)"
6. sara sebʒə canə səqowp, **səzʒəzom** (8)
"Я голоса лишилась, не могу лаять"
7. aʒkoən **dəzcoəʒooməz̃t**, аха jan Inaraʒə danəqala acoəʒoəga
iʒojt (8)
"Мальчик не мог говорить, но оказавшись в руках матери, учится говорить".

Глава III

Деривационные категории

Двух-, трех- и более чем трехличные глаголы в грузинском и абхазском языках

Более чем одноличные глаголы абхазско-адыгских и картвельских языков отличаются от одноличных обилием морфологических категорий.

Вместе с ростом числа лиц полиперсональный глагол абхазско-адыгских и картвельских языков получает возможность выражать различные отношения между субъектом и объектом, или между объектами. В глаголе морфологически выраженное отношение между лицами порождает разнообразные морфологические и словообразовательные категории глагола иберийско-кавказских языков.

Релятивные (а в некоторых случаях и абсолютные) глаголы абхазско-адыгских языков, помимо категорий спряжения (лица, класса, числа), характеризуют деривационные категории – версия, потенциалис, произвольность, каузатив и взаимность-совместность.

Релятивный глагол картвельских языков обладает лишь категориями версии, потенциалиса и каузатива.

Произвольность и совместность в картвельских языках выражаются описательно.

Абхазско-адыгские и картвельские языки, помимо категории лица и числа, имеют общие категории версии, потенциалиса и каузатива.

Названные категории в рассматриваемых языках обнаруживают типологическое сходство в образовании.

§ 1. Категория версии

История изучения категории версии в грузинском языке в общих чертах сводится к следующему:

Наличие категории версии в грузинском глаголе отметили еще древние грамматисты. В частности, соображения по этому вопросу содержатся в работах таких исследователей, как Н. Чубинашвили (112, 115-118), Д. Чубинов (113, VIII), Д. Кипиани (28, 118-119), К. Додашвили (18), Пл. Иоселиани (23, 49), П. Квицаридзе (26, 129-130), А. Кутателадзе (29, 85), Т. Жордания (20, 51), С. Хундадзе (86), М. Джанашвили (14, 65-66); из зарубежных исследователей этот вопрос затронул Г. Шухардт (197, 15).

Категорию версии выделяли Н. Я. Марр (160, табл. XI, 158, 136-137; 194, 114, 116-119) и М. Бриер (159).

Рассматривает версию в грузинском и Б. Руденко (165, 106-107, 137, 143).

В настоящее время большая часть специалистов разделяет точку зрения А. Г. Шанидзе, согласно которой версия является глагольной формой, выражающей отношения между субъектом и объектом, или между объектом по признаку принадлежности и направленности действия (121, 323).

Определяет версию в грузинском глаголе и А. С. Чикобава: "Помимо субъекта и объекта, в глаголе может быть выражено взаимоотношение по принадлежности, которое должно выражаться аффиксом, а не посредством другого слова, или же через основу. Принадлежность, выраженная синтаксически или семасиологически, версию не создает, версия – категория морфологическая" (103, 117-118).

Предпосылкой существования категории версии А. С. Чикобава считает двухличность глагола, в одноличном глаголе вопрос версии не возникает.

А. С. Чикобава выделяет в грузинском языке три версии: субъектную, объектную и по принципу оппозиции – нейтральную. В последнем случае глагольная форма не уточняет, кому принадлежит объект: *ašenebs* "строит", *aḱetebs* "делает", *zrdis* "растит" (хотя объект и имеется)... Такие глаголы в грузинском языке, как и в русском, армянском или латинском, не выражают версии (95, 106-109).

Основными для грузинского языка А. С. Чикобава признает субъектную и объектную версии, что же касается показателя нейтральной версии *a-*, то он "придает некоторым глаголам значение *sazedao* ("над") (106, 050, 058, 053).

Форманты версии *i-*, *u-* А. С. Чикобава считает местоименными частицами; префикс *a-* "не является показателем нейтральной версии, нельзя считать его, по-видимому, и показателем *sazedao* "над" по происхождению" (103, 167).

А. Г. Шанидзе первоначально выделил в грузинском языке восемь версий (130, 140-143, 147-167), затем число разновидностей было сокращено до пяти (130, 312-338), а с 1930 года А. Г. Шанидзе различает в грузинском глаголе три версии:

Нейтральная версия указывает, что прямой объект никому не принадлежит: *saxls vašeneb* "строю дом".

Субъектная версия указывает, что прямой объект принадлежит действующему лицу *saxls višeneb* "строю дом себе".

Объектная версия указывает, что прямой объект принадлежит косвенному объекту: *saxls vušeneb* "строю дом ему"...

Субъектная версия выражается префиксом *i-*: *išenebs* "строит себе", *iḱetebs* "делает себе"...

Субъектная версия встречается только в переходных глаголах. В непереходных глаголах представлены лишь нейтральная и объектная версии. Субъектная версия в непереходных глаголах не выражается в силу отсутствия прямого объекта.

Возвратное действие субъекта выражается субъектной версией: *tavi moiḱla* "убил себя", *ḱbili moiḱvala* "сменил зуб"... к

субъектной версии обращаются и когда объектом служит головной убор или одежда: *kudi daixuga* "надел шапку", *perangi šaišva* "надел рубаху" (121, 323, 328). Это явление примечательно с точки зрения истории субъектной версии.

Объектная версия I и II лица обозначается префиксом *i-*, в III лице употребляется *u-*.

Объектная версия в переходных глаголах имеет форму всех трех лиц: *m-i-ṣgr-s* "Пишет мое или для меня", *giṣgrs* "Пишет твое или для тебя", *uṣgrs* "Пишет его или для него".

I и II лица субъектной или объектной версии, а также III лицо субъектной версии выражается префиксом *i-*; III лицо объектной версии обозначается префиксом *u-*:

Объектная версия	Субъектная версия
I <i>da-m-i-qen-a</i>	<i>da-m-i-qen-a</i>
II <i>da-g-i-qen-a</i>	<i>da-g-i-qen-a</i>
III <i>da-u-qen-a</i>	<i>da-i-qen-a</i>

Нейтральная версия лишена показателя: *ṭexs* "ломает", *grɛxs* "гнет", но может и иметь формант – *a-ḳctɛbs* "делает", *a-šcnebs* "строит".

Обе формы нейтральной версии в равной мере противопоставляются субъектной и объектной версиям:

<i>ṭex-s</i> "ломает"	<i>i-ṭex-s</i> "ломает себе"	<i>u-ṭex-s</i> "ломает ему"
<i>a-ṭex-s</i> "ломает"		
<i>ṣgr-s</i> "пишет"	<i>i-ṣgr-s</i> "пишет себе"	<i>u-ṣgr-s</i> "пишет ему"
<i>a-ṣgr-s</i> "пишет"		

Версия выражается в личных глагольных формах I и II серии. В III серии версия не выделяется ввиду отсутствия оппозитивных форм.

В грузинском языке есть глаголы без версии (не имеющие оппозитивных форм): *hgonia* "думает, что...", *hkvia* "его зовут...", *icis* "знает..." (121, 332, 338, 339, 345).

В мегрело-чанском языке А. С. Чикобава выделяет три вида версии. При этом форма версии имеет два значения – субъектная версия обозначает, что действие направлено на предмет, принадлежащий субъекту, или предмет, предназначенный для субъекта: *pis ibons* "умывается", *uḳctens* "делает его (дело) или для него..."

Субъектная версия во всех трех лицах выражается префиксом *i-*, объектная версия в I и II лице имеет формант *i*, а в III лице – показатель *u* (95, 106-109).

В сарпском говоре субъектная версия может обозначать только действие, направленное на часть тела субъекта: *xɛ iḳvatum* "режет себе руку..." А. С. Чикобава предполагает, что именно в таком употреблении сохраняется древнейшее, исходное значение: действие направлено на предмет, принадлежащий субъекту, а не предназначенный для него. Аналогичную семантику, должно быть, имела и объектная версия.

В настоящее время объектная версия имеет оба значения – действие может быть направлено как на принадлежащий объекту предмет, так и на предназначенный ему предмет.

В сарпском говоре сохранилось архаичное положение, которое, видимо, было характерно всем картвельским языкам (95, 108, 109).

В отличие от мегрельского, грузинского и сванского, в чанском формы субъектной и объектной версии образуются и в III серии времен и наклонений, поскольку глаголы III серии в чанском сохраняют прямой строй.

В. Т. Топурия выделил в сванском языке четыре версии: нейтральную, субъектную, объектную и т. н. *sazedao* (имеющую значение "на", "над").

Нейтральная версия обозначается морфемами *a-* и $\emptyset$ -"ноль", субъектная имеет показатель *i-*; объектная I и II лица выражается аффиксом *i-*, в III лице фигурирует префикс *u-* *sazedao* имеет формант *a-*.

Сванский аффикс о- и грузинский u- морфологически эквивалентны: ср.: св. хоḥа – груз. хисესи "старик, старший..." (83, 43-51, 39).

Итак, глагол мегрело-чанского, грузинского и сванского языков характеризуется категорией версии, выражаемой префиксами. Причем, сами аффиксы версии во всех трех языках материально идентичны и образуется категория по единому принципу:

	груз.	мегрело-чанск.	сванск.
нейтр.	-а,о	-(а)	-а, о
субъект.	-i	-i	-i
объект.	-i/u	-i/u	-i/u

В картвельских языках многие лингвисты выделяют только два вида версии – субъектную и объектную (61, 208-210, 132).

Г. В. Рогава не признает нейтральную версию, поскольку соответствующие формы не выражают отношений по принадлежности, не противопоставляются форма субъектной и объектной версии и не имеют своего показателя, ибо формант а-наделен иной функцией.

Показатель субъектной и объектной версии I и II лица, префикс i- Г. В. Рогава считает одним и тем же формантом, получившим способность выражать разное значение в зависимости от формы лица. В сочетании с лицом субъекта i- выражает субъектную версию (amxanagi me miḥers "товарищ меня ловит"), а в сочетании с объектом – выражает объектную версию (amxanagi miḥers me sxens "товарищ ловит для меня лошадь").

Г. В. Рогава предполагает, что, поскольку версия выражает только момент принадлежности, постольку во всех лицах должен быть один и тот же аффикс.

По мнению исследователя, префикс i- в период становления категории в переходных глаголах выражал принадлежность

субъекту (субъектную версию), а в непереходных глаголах – принадлежность объекту (объектную версию).

Формант i- получен от притяжательного местоимения, обнаруживающего в склонении и словообразовании.

"Категория версии, должно быть, является одной из древнейших в картвельских языках. В процессе формирования личных показателей зарождались и аффиксы версии" (61, 208-210).

П. Эртелишвили также насчитывает две версии – субъектную и объектную. Нейтральная версия выделяется только для того, чтобы установить оппозиции. П. Эртелишвили отвергает наличие нейтральной версии, исходя из самого определения версии, предложенного А. Г. Шанидзе. Нейтральная версия не выражает каких-либо отношений по принадлежности или предназначению, и постольку её нельзя считать версией. Соответственно интерпретируется и формант а- – то, чего нет, не нуждается в показателе. Показатель а-, считающийся формантом нейтральной версии, в действительности является префиксом действительного залога (132, 177-179).

Более трех версий в грузинском языке выделяют Г. Дее-терс (186), Г. Фогт (199), Г. С. Небиеридзе (55), М. В. Мачавариани (51), М. Э. Дамения (12).

Г. Дее-терс, опираясь на раннее предположение А. Г. Шанидзе, выделяет в грузинском языке пять видов версии (186, 73-77, 82-86).

Г. Фогт насчитывает четыре формы версии (199, 118).

По мнению Г. С. Небиеридзе, гласные i-/e-, считающиеся показателем страдательного залога, следует рассматривать в ряду формантов версии: i- считать аффиксом субъектной версии, а e- формантом объектной. При этом Т. Небиеридзе исходит из признания одним аффиксом форманта страдательного залога i-элемента рефлексивных форм глаголов среднего залога i- и показателя субъектной версии глаголов действительного залога i-.

Г. С. Небиеридзе соглашается с интерпретацией префикса, предложенной в свое время А. Г. Шанидзе (е- показатель объектной версии) и не приемлет новое толкование того же автора, согласно которому префикс е- понимается как формант страдательного залога (55, 132-145).

Еще шире интерпретирует категорию версии М. В. Мачавариани: выражение принадлежности и предназначимости есть лишь одна из функций версии, "общее же значение показателя версии заключается в ориентации действия относительно говорящего... центром... с точки зрения категории версии, служит не лица субъекта или объекта, "а лицо говорящего". Показателями версии М. В. Мачавариани признает не только традиционные гласные а-/і-/u-, но считающиеся формантами залога элементы і-, е- (51, 39, 64).

М. Э. Дамения располагает глагольные морфемы грузинского языка по рангам и помещает на один префиксальный уровень показателя страдательного залога (і-, е-), версии (і-, і-, u-) и префикс а- "Добавляющий лицо" (11, 74, 129).

Различные соображения относительно формантов версии высказаны в работах В. Г. Топурия, И. М. Кавтарадзе, К. В. Ломтатидзе, Г. И. Мачавариани, Б. А. Джорбенадзе, а также зарубежных авторов – Г. Кетлера, В. Пешена, В. Бёдера, К. Шмидта, А. Харис...

Префикс а- показателем действительного залога признавал В. Т. Топурия: "а- – это то же самое, что преверб в глаголах действительного залога, ср.: *qav* "имеет", *a-saxelcbs* "называет" (82).

По мнению И. М. Кавтарадзе: "Префикс і- выражал рефлексивно-возвратное содержание, но постепенно расширил свое значение и стал выражать субъектную версию; префикс u- был использован для объектной версии, а префикс а- получил широкое распространение в глагольном формообразовании" (24, 325).

Изначальной функцией показателей версии в грузинском языке К. В. Ломтатидзе признает дейктическо-направительную.

К такому выводу приводит исследователя сопоставление элементов *ia-/ua-*, выделяемых в наречиях абхазско-адыгских языков, и гласных компонентов *i, u* наречий грузинского языка: "Элементы *i / u* несут функцию указания, грузинский аффикс *i*, видимо, увязывается с местоимением *igi* "он", префикс в виде *m-* встречается в абхазско-абазинских наречиях и указательных местоимениях... *awštax* "затем" в тапанстском диалекте встречается с виде *aam-ə-štax*; грузинское *-waç* в убухском языке представлено как *məso*.

"В плане структурной аналогии примечательно, что абхазские аффиксы объектной версии *z-* и *so-* выражают и направление..."

"Префикс *i-* выражал "недавнее прошлое" и увязывался с субъектной версией, с возвратным действием, префикс *u-* обозначал "более давнее прошлое" и увязывался с объектной версией" (152, 313, 319).

Г. И. Мачавариани вторичной функцией показателя нейтральной версии считал выражение каузатива (47, 109).

Б. Джорбенадзе посвятил вокальным глагольным префиксам специальное исследование, в котором, в частности, пришел к следующему заключению:

"Засвидетельствованные в грузинском языке глагольные вокальные префиксы с точки зрения отношения к тому или иному члену конструкции делятся на две группы: а) особняком стоит префикс возвратности *i*, выражающий направленность результата действия или самого действия на субъект или косвенный объект – *v-i-xaṭ-av* "рисую себе", *v-i-xaṭ-eb-i* "рисуюсь", *m-i-xaṭ-av* "рисуюшь мне"; б) вторую группу образуют префиксы *a-*, *e-*, указывающие на косвенный объект в конструкции (17, 225, 16, 114).

Г. Кетлер увязал префиксы i-, e- и предположил, что в древности они выражали рефлексивность (192, 123).

В. Пешен усматривает тесную связь префикса a- с показателями объекта; в отыменных глаголах, считает автор, этот префикс лишь "усиливает" формант объектного лица (198, 59-60, 78, 82).

По мнению В. Бёдера, субъектная версия представляет собой частный случай объектной версии, он разделяет и развивает соображение о том, что гласные префиксы предназначены для указания на объект (184, 100, 109, 125).

К. Шмидт считает вторичным присоединение показателя i- к основе непереходного глагола, образование пассива от субъектной версии возможно лишь через переходную возвратную конструкцию с элементом tavi "себя" (131, 305).

А. Харис предполагает, что h+i=u (191, 90, 101).

Таким образом, мы рассмотрели известные в специальной литературе интерпретации версии. Наиболее убедительной нам представляется точка зрения, согласно которой в грузинском языке выделяются лишь два вида версии (61, 132). Такое решение вопроса подтверждается данными абхазско-адыгских языков.

В картвельских языках категория версии образуется посредством префиксов местоименного происхождения (109, 166; 61, 208-210). Первоначально форманты версии несли, должно быть, дейктическо-направительную функцию (152, 313, 319).

* * *

Как и в картвельских языках, глагол абхазского языка имеет категорию версии.

Однако категория версии абхазского языка несколько отличается от версии в картвельских языках.

К. В. Ломтатидзе выделяет в абхазско-абазинском два вида версии – субъектную и объектную (34, 411-419; 153, 152, 151).

В "Грамматике абхазского языка" говорится также о нейтральной версии, а кроме того, обособляется категория возвратности (138, 136-143).

К. В. Ломтатидзе не находит нужным выделять в абхазском языке третью – нейтральную версию, а возвратность признает субъектной версией (153).

Указанный вид версии еще П. К. Услар называл возвратной, он же выделял возвратные формы глагола без элемента čə-: jəšoiəçwəjɬ "он одевается" и др. (170, 62-63).

I. Субъектная версия образуется посредством включения в глагольную форму показателя рефлексивности, который следует за аффиксами ряда "I" и обозначает направленность действия субъекта переходного глагола на сам субъект: jčəiçəxəjɬ "он спрятался".

Формант рефлексивности čə- К. В. Ломтатидзе обнаруживает и в тапантском диалекте. Если в абхазском аффикс притяжательности неизменно предшествует показателю рефлексивности и порождает два лица в глаголе s-čə-s-šweič ("убиваю себя"), то в тапантском к показателю рефлексивности čə- личный аффикс, выражающий приандлежность, не присоединяется и вместо абхазского имеем čəššič.

Возвратность действия тапантский глагол выражает также посредством каузатива: ršətaqə srgəsər "обдуюсь немного ветром" (32, §44; 152).

В ашхарском диалекте элемент рефлексивности почти сращен с основой, что очевидно прослеживается в обстоятельственных аффиксах šə-, an- которые в абхазском стоят непосредственно после первого по порядку личного показателя: s-čə-anə-s-šwa "Когда я убиваю себя..."

В ашхарском элемент $\check{s}$ - оказывается в позиции после обстоятельственных аффиксов: $\check{s}\check{s}\check{s}$ - $\check{s}\check{s}\check{s}$ - d - $s\check{e}rd\check{e}r\check{r}$ "как им я представляю себя..."

В ашхарском зафиксированы три ступени образования указанных форм: 1. Элемент $\check{s}$ - сопровождается притяжательным аффиксом $u\check{s}\check{e}r\check{t}l\check{a}$ "раздевайся!". 2. Притяжательный аффикс элиминирован $\check{s}\check{e}l\check{s}i\check{t}$ "убила себя". 3. Притяжательный аффикс исчез, а в глаголе появился показатель объекта.

В отличие от абхазского и подобно тапантскому, ашхарский глагол способен выразить возвратность действия посредством удвоения личного показателя: $iaass\check{e}rd\check{e}r\check{r}$ "я дам понять себе" (36, §38). Абхазский язык подобно сарпскому говору занского языка сохранил изначальную функцию этой версии, что должно было свойственно каждому из этих языков: это действие субъекта на самого себя, или на часть своего тела (95, 106, 110).

II. Субъектная версия выражает действие субъекта, направленное на часть тела субъекта, которая находит конкретное выражение в глагольной основе. Напр.: "тело" – абх.-абаз. $\check{s}\check{e}$ -, убых. $\check{z}a$ - "нога" – абх.-абаз. $\check{s}a$ -, убых. $\check{r}a$ и т. д.: абх. i - $s\check{e}$ - $\check{s}a$ - $s\check{e}r\check{t}$; убых. a - s - $\check{r}a$ - $s\check{e}$ - $\check{r}an$ "я это на свои ноги одеваю (обуваюсь)" (153, 98; 151; 138, 136, 143).

Объектная версия абхазского глагола значительно отличается от объектной версии грузинского языка. Здесь глагольная форма более конкретна по своей семантике. Объектная версия абхазского языка также подразумевает действие, направленное (или предназначенное) на косвенный объект, однако в отличие от грузинского, глагольная форма абхазского языка обозначает и направление. Соответственно форма версии имеет две разновидности:

а) действие направлено на косвенный объект, обозначаемый в абхазском префиксом z - (в бзыпском z' -) (133); это т. н. действие (версия) в пользу косвенного объекта:

Аффикс z - выражает принадлежность прямого объекта косвенному объекту (в переходных, трехличных глаголах), или принадлежность субъекта и совершаемого им действия косвенному объекту (в непереходных глаголах).

Включение элемента z - в глагольную основу приводит к появлению в глаголе дополнительного лица: $s\check{e}r\check{t}$ "я иду" – $siz\check{e}r\check{t}$ "я иду для него", $i\check{q}as\check{e}r\check{t}$ "я делаю то" – $ilz\check{e}qas\check{e}r\check{t}$ "я делаю для неё то..."

б) действие, направленное от косвенного объекта, обозначается аффиксом so -, выражающим действие "вредное" для косвенного объекта, исходящее от него же.

Элемент so - порождает в глаголе еще одно лицо (подобно элементу z -): $s\check{t}o\check{r}\check{t}$ "сажусь" – $sico\check{t}o\check{r}\check{t}$ "сажусь против его желания", $iz\check{g}o\check{r}\check{t}$ "я несу то" – $ilco\check{e}z\check{g}o\check{r}\check{t}$ "я несу то против её желания".

Элементы z - и z' - К. В. Ломтатидзе отождествляет с именным послелогом (а) $z\check{e}$ "для". Если этот элемент присоединяется к имени, то глагол утрачивает одно лицо (косвенного объекта): $ax\check{o}\check{e}\check{z}\check{e}$ $iz\check{e}$ (i) $qas\check{e}r\check{t}$ "делаю для ребенка", $ax\check{o}\check{e}\check{z}\check{e}$ $iz\check{e}qas\check{e}r\check{t}$ "делаю ребенку...", (j) $qas\check{e}r\check{t}$ – двухличный переходный глагол; $iz\check{e}qas\check{e}r\check{t}$ – трехличный глагол. В форме объектной версии глагол получает дополнительно еще одно лицо – косвенного объекта (34, 415, 153).

Единство элемента z - и послелога (а) $z\check{e}$ отметил еще П. К. Услар и выделил этот элемент в вопросительных формах, увязав его (z) с формантом потенциалиса: $is\check{e}z\check{e}w\check{i}uam$ "не могу писать..." П. К. Услар замечает, что элемент z - способен изменить значение слова: $s\check{e}r\check{s}\check{e}w\check{e}i\check{t}$ – "смотрю", $saz\check{e}r\check{s}\check{e}w\check{e}i\check{t}$ "жду" (170, 63-64).

Ж. Дюмезиль считал элемент so - убыхским (188, 199).

По мнению К. В. Ломтатидзе, абхазско-убыхский элемент so - и морфологически, и фонетически связан с абрупритвным лабильным спирантом адыгейского языка $\check{s}o$, от которого получен кабар. f . Возможно, считает К. В. Ломтатидзе, so - восходит к

абхазскому же предлогу соэг "вне": асоэгҭа "выйти наружу", асоэгҭага "вынести наружу" (34, 418).

Префиксы объектной версии z- и со- сохраняются в форме масдара. В некоторых случаях они срastaются с основой: azhaga "расти, возрастать" – азҭага "уменьшаться"...

Префиксы z- и со- всегда стоят после показателя косвенного объекта.

Форма объектной версии с префиксами z- и со- представляет собой разновидность с двумя различными аффиксами той версии, которая представлена в грузинской форме vq̄lav, имеющей два значения: "убиваю для него" и "убиваю принадлежашее ему" (34, 418).

В грузинском языке, подобно абхазскому, аффикс объектной версии e- / u- регулярно занимает позицию после показателя объекта. С той лишь разницей, что в грузинском аффикс версий может сочетать с показателями обоих объектов.

Новогрузинский язык утратил показатель Oz в позиции перед формантом версии (в позиции перед гласными показателями редуцируются). Однако, по данным ханмэтных и һаэмэтных памятников, аффикс объектной версии во всех соответствующих глагольных формах следует за показателем Oz (форманта объектной версии нет лишь в последовательности Oz+ S₁).

Древнегрузинский язык

mi-x-u-go "ответил ему" (Древ. 338, 353, 360, 363)

da-x-u-gebt "постелим им" (Древ. 331)

h-u-pq̄ras "владеет, держит" (һаэм. 368). В некоторых случаях Oz отсутствует и в глаголе древнегрузинского языка:

mi-u-go (һаэм. 366, 381, 388)

mi-u-gos (Древ. 363).

В грузинском языке есть формы без показателя версии, но тем не менее имеющее значение объектной версии: šhgr̄ia//šcu-

gia "смешал для него, ему" (108, 166). В примерах этого типа функция показателя Oz и форманта объектной версии h- столь неразлична, что один из этих аффиксов вполне достаточен для выражения необходимого содержания.

Абхазскому языку это явление чуждо.

Итак, позиция аффикса объектной версии в глаголе и наличие безаффиксных форм версии еще раз подтверждают одновременность возникновения категорий лица и версии (7), развившихся в период распада классного спряжения и постепенно формирования личного спряжения.

В адыгейском языке выделяют субъектную, объектную и (по традиции) нейтральную версию.

Субъектная версия выражается аффиксом zə- (162, 8-13).

В отличие от абхазского, префикс zə- в адыгейском подобно картвельским языкам, имеет обобщенное значение: а̄з̄әә̄з̄ә̄з̄ә̄ "убил себя", ps'as'äm jəra'o/ʉə̄ zə̄sjəl'ay "девушка надела себе на голову шапку..."

"Указанный адыгский префикс z- связан, видимо, с общим абхазско-абазинским и адыгским направительным префиксом эргативного ряда z-, посредством которого не различаются ни лицо, ни класс, ни число" (153, 98).

Объектная версия обозначает действие, предназначенное для косвенного объекта, и выражается аффиксами адыгейск. f̄ä, каб. x̄'ə̄, которые непосредственно следуют за показателем объектного лица. Объектную версию имеют и непереходные, и переходные глаголы. В глаголе добавляется лицо косвенного объекта (162, 8-13, 173).

"Путем присоединения префикса объектной версии (адыгейск. f̄ä, каб. x̄'ə̄) к форме субъектной версии адыгские языки посредством органичного образования (подобно картвельским языкам) выражают действие, совершаемое в пользу субъекта

(напр. адыгейск. zə-f-jəʒʼaγ || zə-f-jəʒʼaʒəγ "он сделал себе то" и т. п.) Нечто подобное в абхазском языке невозможно (153, 98).

В адыгейском языке так же, как в картвельских и абхазско-абазинском, наблюдается префиксальное образование версии. И хотя аффиксы не всегда совпадают материально, структурное сходство очевидно.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что:

1. В рассматриваемых нами языках глагол характеризуется категорией версии, который имеет свое морфологическое выражение в глаголе.

2. В картвельских и абхазско-адыгских языках следует выделять два вида версии – субъектную и объектную. Сама сущность категории версии и данные родственных языков свидетельствуют в пользу мнения тех исследователей, которые не считают нужным выделять в названных языках третий вид версии – нейтральную.

3. Субъектная и объектная версии выражаются префиксами.

4. Форманты объектной версии в древнегрузинском и абхазском языках занимают позицию после показателя объекта.

5. Форманты версии генетически являются деиктически-направительными элементами, образованными от указательных местоимений. Деиктико-направительные элементы i/u в грузинском и абхазском языках совпадают и материально и функционально (152).

6. Основываясь на традиционном толковании версии и исходя из объективного положения, морфемы страдательного залога в картвельских языках нельзя считать формантами версии (51, 55).

7. Категория версии картвельских и абхазско-адыгских языков обнаруживает заметное структурно-типологическое сходство: с одной стороны, одинаковое положение наблюдается в абхазском языке и сарпском говоре мегрело-чанского языка; с

другой стороны, сближаются грузинский, сванский и адыгские языки. При этом, в адыгских языках представлен более развитой тип категории версии.

Учитывая данные специальной литературы, рассмотрим категорию версии на материале грузинского и абхазского языков.

Сопоставление собранного нами фактического материала наглядно показывает общность рассматриваемых языков с точки зрения образования версии.

Двухличные глаголы

Субъектная версия

Древнегрузинский язык

1. **isminen** upalman čemman siṭquajj pirisagan monisa misisa (11, 58).
"Выслушай, господин мой, слово из уст раба твоего"
2. da mun ḳrebulṭa šoris gabacl **ixila** davrdomili (11, 35).
"И там в толпе Гаваила заметил больного"
3. da **šeiyo** saxlad vidre mzisa daslvamde (11, 38).
"И убрал его в одно жилье до захождения солнца"
4. **izraxa** paṛulad gaṇṭevc̣ba misi (5, 260).
"Хотел тайно отпустить её"
5. gaṃetu man **iqsnes** eṛi twisi codvata mattagan (5, 261).
"Ибо он спасет людей своих от грехов их"
6. **ibanos** da čamos puri m̄cuxarebita (11, 36).
"Совершил омывление и ел хлеб мой в скорби"
7. rata ṭobia **ixuedros** damḳvidrebad igi (11, 38).
"Ибо Товии предназначено наследовать её"
8. da **itmendis** qovelṭa gansacdelta (11, 36).
"И он терпел всякие муки"
9. **iqmien** igini, vitarca satno ars činaše šensa (11, 56).
"Употребляй их, как пожелаешь"
10. nu **inebeb** codvad da gardaslvad mc̄nebata mista (11, 39).

И не ходи путями беззакония"

В приведенных примерах субъектная версия выражена префиксом *i-*, стоящим непосредственно перед основой; прямой объект представлен III лицом, и вообще, прямой объект в субъектной версии редко стоит в форме I или II лица: *uq̄uetu šemk̄ras da mitrios* (10, 135) "Хотя пусть свяжет меня и тащит"; *trevit mogitrio* (10, 135) "Волоком приволоку".

Субъектная версия образуется только от двухличных переходных глаголов действительного залога.

Показатель III лица прямого объекта *x/h* в новогрузинском языке не употребляется; в древнегрузинском языке он исчезает в позиции перед гласными, в ханмэтных текстах должно быть – **xixila, xisminen...*

В грузинском языке не встречаются формы субъектной версии трехличных глаголов.

Новогрузинский язык

1. *sadac ismendit amaqada grigalt krolasa* (16, 41).
"Где слушали вы гордо вой ураганов"
2. *rit vididet tavi čveni* (16, 75).
"Чем мы прославили себя"
3. *kartvlis bedi burtsavita satamašod çin gaigdo* (16, 76).
"Судьбу грузина, подобно мячу, бросил перед собой для игры"
4. *visxedit da xels vitbobdit* (16, 77).
"Сидели и грели руки"
5. *tvisi simuça daiyuyuna* (16, 132).
"Свою песнь затянул"
6. *tavi aiyo da gaixeda* (16, 132).
"Поднял голову и взглянул"
7. *da mqis gaigdo sxeni balaxzed* (16, 135).
"И вмиг пустил лошадь на траву"
8. *črdiloctisaßen gaišvira gakonili titi* (6, 253).

9. "К северу протянул палец в жиру"
mcore dyes omalos gavcdi, maxilxoržāši daviyame (6, 255).
"На следующий день миновал Омало, заночевал в Махилхорджа"
10. *šanžva veyar aviṭanet* (16, 77).
"Не вынесли больше мучений"

Абхазский язык

1. *waqa ič̣iç̣oaxṭ* (13, 47)
"Там спрятался"
2. *waqa rč̣ejzərkṭ* (13, 19)
"Там собрались"
3. *darg̃ə šala rč̣ədarqapṣ̌zeiṭ* (13, 18)
"Окрасили и они себя кровью"
4. *waajj hač̣pahṣ̌oap hawa jjaṣ̌ə ow daabar* (8)
"Давай испытаем, кто из нас прав, посмотрим"
5. *abas atahmada xṣ̌əwila jč̣q̄ənc̣oa dnəq̄ərgarq̄o j̄jč̣əq̄ajç̣ejṭ* (8)
"Так поступил старик умно, чтоб сыновья содержали его"
6. *хоџџə ač̣əannaq̄əlṭ* (4, 194)
"Немного сдержался он"

Показатель субъектной версии **č̣ə-** следует за аффиксами ряда "I" и обозначает только возвратное действие субъекта. Все глаголы – переходные.

Объектная версия

В древне- и новогрузинском языке двухличные глаголы не имеют формы объектной версии. Иное положение в абхазском языке.

Абхазский язык

Объектная версия со значением "в пользу"

1. aḳgʼə **iszapsaxoməzʼt** (4, 197)
"Чего бы ни стоило для меня"
2. dsəz**çaqazar** ujjubas jaḥo (13, 23)
"Если он спросит меня (обо мне), скажи так"
3. jara imta səmsʰə gurʼara gurwiaraxa **jaaszəqalejʼt** (13, 25)
"Его подарок, радость дней моих, превратил (для меня) в заботу"
4. ansoa ila tənçnə aus **szə manšəalaxʼt** (13, 47)
"Божьей помощью дело вновь стало удобным для меня"
5. **waaszəzəwə**, çabərg washoojʼt wj məcrada (13, 34)
"Послушай, правду скажу без лжи"
6. **uszəpšə** xəšʰkosa (13, 33)
"Жди меня три года"
7. dōʰagəlanə ubraxʼ **dizcejʼt** (13, 24)
"Встав, пришел туда"

z- формант версии стоит после показателя косвенного объекта. Двухличный глагол в форме объектной версии становится переходным.

Объектная версия со значением "во вред"

1. **dacəəmšəaroup** xaça cogʼaraḳ (13, 33)
"Мужчина не должен страшиться зла"
2. arəḳqaz arisar iirbaanza **icəzʼt** (4, 174)
"Прежде чем показал писарю приказ, потерял (у него потерялся)"
3. aḥəara **dacəəpaxəon** (4, 175)
"Стеснялся сказать"

4. awaa zegʼə reipšəs irəmou jargʼə **dzacəəmçt** (8)
"Судьбы всех людей и ему не избежать"
5. snəžnə usara **sacəənaxarəm** (13, 34)
"Как покинешь меня, уход твой меня не оставит"
6. qutaγʼk aḳ **scəəpčəjʼt** (4, 174)
"Яйца у меня разбились"
7. ubri arpəs šəara **išəəsocaz** (13, 28)
"Тот юноша, что от вас убежал"
8. ušəə usgʼə iscəəpsjʼt (8)
"Лошадь твоя все равно у меня околела"
9. axəəçə daniba agoəγʼra **jcəəwadaōʰxejʼt** (8)
"Когда ребенок увидел, (что-то) сделать не решился"

Трехличные глаголы

В грузинском языке форма субъектной версии в трехличных глаголах не встречается.

Абхазский язык

Субъектная версия

Трехличные глаголы абхазского языка редко встречаются в форме субъектной версии.

1. us xʼantaзақ sa **ščəazəskəjʼt** (13, 35)
"Взялся я за очень трудное дело"
2. bašəa alayəgz sa **ščəasərgəjʼt** (13, 41)
"Зря убивался в слезах"
3. iōʰnə ašamxə **ačəanargejʼt** (4, 176)
"Бегом заставил ноги унести себя (убежал)"
4. sargʼə **ščəasəasçap** iḥəan (8)
"И я дам съесть себя..."
5. azə dərnə axəəçkəa səmanə azə **ščəaləsəžəp-həa** (8)

- "Перейдя реку, вместе с детьми спасу себя"
 6. snejnə çla duk gəlan **sçavaskejt** (8)
 "Подошел, стояло большое дерево, я коснулся его..."

**Объектная версия
 Древнегрузинский язык**

1. da **mouye** misgan ati igi țalanți vecxli (11, 40)
 "И возьми у него десять талантов серебра"
2. saxli neptalimisi, mamisa misisani, **uzorvides** qbosa balisasa okrosasa ([4], gv. 34)
 "Дом Неффалима, отца его приносили жертвы Ваалу юнице"
3. **daugien** velsa zeda dasabrķolebelni (11, 58)
 "А на равнинах устроили преграды"
4. **daumzades** mat puri, da dařda çamad da sumad (11, 35)
 "Приготовлен у меня был хороший обед, и я возлег есть"
5. da eseca gansacdeli **mouvлина** ȳmertman mas (11, 36)
 "И такое горе послал ему бог"
6. xolo țobi **miugebda** mat da ețgoda (11, 36)
 "Товии отвечал им"
7. da **miuzyvanebda** upalsa matsa (11, 36)
 "И посылала богатым людям"
8. da **daurtes** mas zeda tițani (11, 36)
 "И в придачу дали козленка"
9. da **uķmie** da ganivlțes eșmaķi igi (11, 43)
 "И покури и демон удалится"
10. vitarca ubrzana mas angelozman uplisaman (11, 261)
 "(Иосиф) поступил, как повелел ему Ангел Господень"

Новогрузинский язык

1. vita potoli – ise vırtodi, **vugdebdı** ra qurs (16, 41)
 "Как лист трепетал, слушая"
2. cas aȳar **umķoben** ertnairsa ciags ķamaras (16, 42)
 "Не украшают (ему) небо более..."
3. grznoba çemi **ganvuziario** (16, 72)
 "Открою (ему) чувства мои"
4. da kveđanas ertguleba çveni urcxvad **davuzvıret** (16, 75)
 "И нашу верность стране бессовестно сделали дорогой"
5. ertmanctis mțrobit çvens saxls cecxli çvenve **çavuķidet** (16, 77)
 "Взаимной враждой мы сами же подожгли дом свой"
6. mtaı mdumarı dapıkrebulı qurs **miupgrobda** (16, 30)
 "Молчаливые горы, задумавшись, внимали (ему)"
7. xars șolți **gauțlașuna** (16, 132)
 "Огладил быка хлыстом"
8. șevzaxe mec da **gadavuçire** çems sxens matraxı (6, 256)
 "Крикнул и я и огрел лошадь плетью"
9. erbo mivıȳe, zgoxa ķi **davubrunec** (6, 265)
 "Масло получил, а корову вернул (ему)"

Абхазский язык

Объектная версия со значением "в пользу"

1. sașoxa **szaažog** (4, 188)
 "Мой сыр мне принесите"
2. arı așoxa xazə **jszəșoçoax** (4, 188)
 "Этот сыр отдельно для меня сохраните"
3. apatret təxnə **izəstiit** (4, 176)
 "Снялся на портрет и послал (ему)"
4. jaajz awaö° ivizit̄to ķarțoçka **szaaitiaajt-hoa uzaaichajt** (4, 176)

- "Пришелец пусть пришлет мне визитную карточку..."
5. аҭоа **lзәshoojt** us izzәshoac (13, 6)
"Я воспеваю ту, кого воспевал"
  6. хоәнткар коҭоартас **ilzdәrgәlaz** (13, 11)
"Что положили ей на место царского трона"
  7. zәggә **irzәlsәejt** ҭәәа zmam hamta (13, 12)
"Всех одарила она бессчетными подарками"
  8. abas **szәrwejt** slaxәncәkоа (13, 38)
"Так поступает со мной моя судьба"
  9. амхә агәәласоа **jzәrcәәwwejt** (8)
"Соседи ему вспахали ниву"
  10. abri аәәтра zәҭәу jišәәzәmdәrwazar **iszejlәšәkәә ihәciҭ** (8)
"Если вы не знаете, кому принадлежит этот сад, так узнайте..."

И в трехличных глаголах формант версии z- стоит после показателя косвенного объекта.

Объектная версия со значением "во вред"

1. waәәә izgartәә iqou zәgәә sara **ircәәzgap-hәә** (4, 183)
"Все, что можно отнять у человека, я у него отниму"
2. алашәага амз **acoәlgan** (13, 27)
"Как отобрала женщина свет у Луны"
3. алауәгз алашәага **sәәonargt** (13, 40)
"Слезы глаза выели (мне)"
4. imlašwaz scәә nasәmqәsasәn **iscoәfejt** (13, 174)
"Голодная лошадь бросилась ко мне и съела"
5. gabžarkоа гәхһоа **ircәәrgon** (13, 176)
"У них отбирали доспехи"
6. ubri **scoigan** асәпхогас (8)
"Отнял (у меня) это вместо того"

7. **dacәharpxәšәp** ubri hara (4, 24)
"Пристыдим мы его"
8. jani jabi **dәrcәәrүәәwwejt** (8)
"Он ворует его у матери и отца"

Как и формант объектной версии со значением "в пользу" z-, формант со- всегда стоит после показателя объектного лица.

§ 2. Категория потенциалиса

Категория потенциалиса, присущая глаголу картвельских и абхазско-адыгских языков (111, 163), выражает возможность действия и связана с реальным субъектом (138, 132).

В картвельской группе наиболее четко категория потенциалиса сформирована в мегрельском диалекте мегрело-чанского языка. Одноличный потенциалис образуется посредством конфикса i-e i-ҭәgen "можно написать", i-tasen "можно посеять..." от двухличных глаголов категория потенциалиса образуется при помощи конфикса а-е: таҭәgen "я могу писать", гаҭәgen "ты можешь писать", аҭәgen "он может писать..."

В мегрельском есть формы страдательного залога и без значения потенциалиса: itasen "можно посеять", atasen "может посеять", itasuun "сеется", atasuun "сеется для него"... в чанском диалекте форма потенциалиса обычно понимается и как страдательный залог (96).

По предположению А. С. Чикобава, потенциалис и страдательный залог объединяются общим происхождением (96).

В грузинском языке мегрело-чанскому потенциалису соответствуют образования с формантом i-i в одноличных глаголах, и аффиксом e-i в двухличных глаголах. В новогрузинском языке аффикс -i сохраняется в форме только I и II лица, в III лице его заменяет аффикс -а:

Древнегрузинский

viçerebi	"пишусь я"	veçerebi	"записываюсь я"
içerebi	"пишешься ты"	eçerebi	"записываешься ты"
içerebis	"пишется он"	eçerebis	"записывается он"

Новогрузинский

viçerebi	"пишусь я"	veçerebi	"записываюсь я"
içerebi	"пишешься ты"	eçerebi	"записываешься ты"
içereba	"пишется он"	eçereba	"записывается он"

В высказывании положительного содержания значение потенциалиса встречается редко; в отрицательных высказываниях потенциалис обычен.

Грузинский язык различает два вида отрицания – частица *ar* имеет значение "не делает, потому что не хочет", частица *ver* – "не делает, потому что не может".

В занском языке такой дифференциации нет. Занская отрицательная частица *var* // *va* семантически соответствует грузинской *ar*.

мегр.	груз.	
<i>va çaruns</i>	<i>ar çers</i>	"не пишет"
<i>va açare(n)</i>	<i>ver çers</i>	"не может писать"

В мегрельском частица остается без изменения, изменяется форма глагола. В грузинском – наоборот.

С точки зрения языковой психологии, грузинский и мегрельский не отличаются. Категорию потенциалиса мегрельский выражает посредством специальной спрягаемой формы, а грузинский прибегает к отрицательной частице (96).

Частица *ver* в грузинском языке преимущественно употребляется с глаголами действительного залога. Глаголы страдательного залога сочетаются с этой частицей реже, поскольку сами содержат семантику потенциалиса.

А. С. Чикобава признает потенциалис несомненным фактом грузинского языка (96, 35-37).

Глагол *icis* "знает" сочетается только с частицей *ar* (хотя в восточногрузинских диалектах возможна форма *ver vici*). Объясняется это тем, что глагол *icis* морфологически является формой страдательного залога и несет в себе значения потенциалиса (42).

Сванский язык различает аналогичные грузинским отрицательные частицы *tam* и *deš* и так же образует потенциалис.

Взаимоотношение категории страдательного залога, потенциалиса и субъектной версии в картвельских языках вызывает разносторонний интерес.

Категорию потенциалиса в грузинском языке рассматривали такие исследователи, как И. А. Кипшидзе, Г. Деетерс, А. С. Чикобава, А. Г. Шанидзе, К. В. Ломтатидзе, Т. С. Шарадзендзе, Г. В. Рogaва, И. И. Кавтарадзе, А. И. Кизирия, О. А. Уридия, З. Г. Чумбуридзе, К. Д. Данелия, Г. А. Картозия, Б. А. Джорбенадзе, М. С. Сухишвили и др.

Специальную монографию категории потенциалиса в картвельских языках посвятил Р. Р. шерозия (178). Автор приходит к следующим выводам:

Потенциалис в картвельских языках выражается неодинаково. Грузинский и сванский в этом отношении отличаются от занского (расхождения наблюдаются и между диалектами занского языка – мегрельским и чанским). Различия носят формальный и содержательный характер, однако различия вторичны. Предполагается, что во всех трех языках было одинаковое положение, в частности, категория потенциалиса выражалась морфологически (178, 23-24).

На синхронном уровне потенциалис грузинского и сванского языков нельзя считать категорией морфологической. Морфологическая выраженность потенциалиса в занском языке дает основания предполагать, что данная морфологическая категория имела во всех трех языках.

* * *

В абхазско-адыгских языках категория потенциалиса регулярно выражается в глаголе. Кроме того, потенциалис абхазско-адыгских языков обладает большей синтаксической силой, чем в мегрельском.

Категория потенциалиса в абхазском глаголе имеет показатель *z-* (в бзыб. *z'-*), позиция которого четко определена. В частности формант абхазско-абазинского потенциалиса стоит после показателя реального субъекта: *i-sə-z-gom* "я то не могу взять" ... *d-z-som* "он не может идти..."

Формант потенциалиса обуславливает перестановку показателя субъекта: *i-qa-s-ɕojt* "я делаю то".... *i-s-zə-qaɕom* "я то не могу делать".

В трехличных переходных глаголах при образовании потенциалиса нарушается обычный порядок притяжательных аффиксов (37, 249-255).

Как известно, в трехличных переходных глаголах на первом месте стоит показатель прямого (ближайшего) объекта, на II месте – показатель косвенного объекта и наконец, на третьем месте – показатель субъекта:

j-u-s-to-m "я тебя (мужч.) то (вещ.) не дам";
j-wa-s-hoo-m "я тебя (мужч.) то (вещ.) не скажу".

В форме потенциалиса трехличных глаголов показатель реального субъекта оказывается на втором месте:

i-sə-z-u-to-m "я тебя то (вещ.) не могу дать";

i-sə-z-wa-hoom "я тебя (мужч.) то (вещ.) не могу сказать".

Потенциалис всегда связан с субъектом, а потому в переходных и непереходных глаголах категория образуется одинаково.

Аффикс потенциалиса вызывает инверсию личных показателей: грамматический субъект становится косвенным объектом, а показатель субъекта перемещается в позицию косвенного объекта:

i-qa-s-ɕojt "я то делаю"
i-qa-s-ɕo-m "я то не делаю"
i-s-zə-qaɕo-m "я то не могу делать"...

Показатель субъекта перемещается из сложной основы.

i-u-s-tojt "я то тебе (мужч.) даю"
i-u-s-tom "я то тебе (мужч.) не дам"
i-sə-z-u-tom "я то тебе (мужч.) не могу дать".

Показатель субъекта занимает позицию форманта косвенного объекта, происходит инверсия, переходный глагол становится непереходным.

Категория потенциалиса в большей мере характерна отрицательной форме абхазского глагола (37, 154).

Потенциалис может быть образован в форме всех времен и наклонений (за исключением повелительного), в каузативе и в форме совместности (138, 132).

Потенциалис встречается и в положительных-финитных формах абхазского глагола: с суффиксами *-ojt* и *-p*, с частицей *-hoa*. Однако последующий глагол обязательно стоит при этом в отрицательной форме: *i-s-zə-foɕ-hoa sə-qa-m-əzɕ* "я не думал, что смогу съесть"; *i-s-zə-fa-p-hoa sə-qa-m-əzɕ* "я не думал, что съем".

В положительных образованиях потенциалис встречается:
 1. В вопросительной форме *jɕxəswou?* "Может он выстрелить?" В условном наклонении – *uzaxoazar* "Ты (мужч.) можешь ли помочь? 2. В желательном наклонении *səzcandaz-hoa* *õp* "Хоть бы я мог уйти".

Возможно описательное выражение потенциалиса посредством глагола *ałšaga: ailkaara sələmš:cjɥ* "Не смог понять"... ср.: форму потенциалиса *i-s-z-e-j-lə-m-kaajɥ* "это я (для себя) не мог понять" (37, 134).

Отрицательные формы глагола *adəgga* "знать, понимать" образуются только при участии аффикса потенциалиса в значении *veg* ("не могу..."), в ашхарском диалекте наряду *ig̃səzdəram* "не знаю" обычна форма *g̃əzdəram* "не знаю".

П. К. Услар увязывал с аффиксом потенциалиса показатель версии *z-* (бзыб. *z'-*), и послелогом *tvis* "себе". Он же отмечал, что этот префикс преимущественно присоединяется к отрицательным формам глагола:

izöwam "не пишу" – *isəzöwam* "не могу писать..."

П. К. Услар заметил также, что под влиянием аффикса *z-* показатель субъекта изымается из сложной глагольной основы и становится префиксом (170, 64).

Ж. Дюмезиль отмечал наличие потенциалиса в положительных формах глагола, напр. *isəzifwejɥ* (188, 210).

По наблюдениям Ал. С. Лекишвили, образование потенциалиса от переходных и непереходных глаголов дает разную картину. В частности, в непереходных глаголах формант *z-* (*z'-*), как это предполагал еще П. К. Услар, обозначает предназначенность... *səzcom* "почему-то не (не могу) иду". В переходных глаголах потенциалис выражается, должно быть, формой версии страдательных напереходных глаголов типа **idərwam*, **iaagom* (с притяжательным элементом *z-*): **iaagom* "нельзя принести" – потенциалис *isəzaagom* "мне нельзя принести"... Перестановка показателя субъекта (ср.: *isəzutom* "не могу дать") объясняется тем, что элемент *z-* (*z'-*) в данном случае выступает в роли форманта версии. Прямой объект переходного глагола в форме потенциалиса становится субъектом (30, 32-38).

С точки зрения К. В. Ломтатидзе, указанное соображение А. С. Лекишвили не соответствует реальному положению в абхазском языке:

Решающим фактором в образовании является позиция показателя субъекта. В трехличных переходных глаголах формант субъектного лица оказывается в третьей позиции, в переходных глаголах со сложной основой он вклинивается в основу. При образовании потенциалиса это правило нарушается, а глагол утрачивает переходность. Поэтому нет необходимости предполагать для абхазского языка существование нереальных форм страдательного залога **idərwam*, **iaagom*...

Показатель потенциалиса *z-* четко отличается от форманта версии *z-* и функционально, и дистрибуционно: аффикс версии не встречается в одноличных глаголах (за исключением случаев сращения аффикса с основой), он употребляется только с показателем косвенного объекта (кроме вопросительных форм). Показатель версии встречается как в положительных, так и отрицательных формах глагола; потенциалис преимущественно характерен отрицательным и инфинитивным формам, а главное – увязывается с реальным субъектом (в двух- и трехличных глаголах) (37, 253).

Префикс потенциалиса *z-* определенным образом связан с реальным субъектом как в переходных, так и непереходных глаголах и в обоих случаях вызывает инверсию переходного глагола (со сложной основой или трехличного): грамматический субъект становится косвенным объектом (занимает вторую позицию – позицию показателя косвенного объекта).

"Категория потенциалиса получена из категории версии и столь же характерна для полиперсонального, переходного глагола. Следует предполагать, что впоследствии потенциалис охватил и непереходные глаголы" (37, 249-250).

Адыгские языки располагают четырьмя способами выражения потенциалиса: посредством префиксов *xo-* (в кабардин-

ском) и f- (адыгейском); суффиксом -f (кабард.) и -s'о (адыг.); префиксально-суффиксальной моделью хо— f и описательно (162; 179; 177, 3, 4, 6).

Адыгейский показатель потенциалиса (как в картвельских и абхазско-абазинском) связан с реальным субъектом; вместе с тем категория потенциалиса преимущественно присуща отрицательным формам глагола.

Префиксальное образование потенциалиса характерно только переходным глаголам, при этом глагол становится непереходным. Однако число представленных в глаголе лиц не меняется, хотя и происходит инверсия; реальный субъект выражается формантом косвенного объекта, а реальный объект – показателем субъекта: sǎ ag s-šəxəštǎr "я не буду есть этого" (двухличный переходный глагол); sǎ ag s-fǎ-šəxə-štǎr "я не могу есть это, мне нельзя"...

Форма потенциалиса с суффиксом s'о образуется от всех переходных и непереходных динамических глаголов. При этом структура глагола остается неизменной (сохраняется переходность, количество лиц). sǎ ag awčəštǎr "он не убьет его" (двухличный переходный глагол); sǎ ag awčəs'о-štǎr "он не может убить его" (двухличный переходный глагол).

В адыгейском языке известны еще два способа выражения потенциалиса – префиксально-суффиксальное и описательное образование (177, 6).

Префиксально-суффиксальное образование: s-xoǎ-s'ə-f-əpicətm "я не могу делать то".

Описательное выражение потенциалиса достигается при помощи глагола Γčə-n "мочь", qǎs-šan sl'ǎčaqətm "понять (я) не смог"... (162, 279, 280, 161, 148).

В убыхском языке независимо от переходности потенциалис образуется суффиксом -fa (187, 79, 149). Структура глагола не меняется.

Характерное убыхскому и адыгейскому языку суффиксальное образование следует понимать как лексическое, почему потенциалис здесь и не сложился в морфологическую категорию.

По мнению К. В. Ломтатидзе, убыхский утратил префиксальный потенциалис в силу функционального расширения суффиксального, лексического потенциалиса.

Префиксы потенциалиса (адыгейск. fa-, кабард. xoǎ) соответствуют формантам версии xoǎ//fǎ. Такое образование потенциалиса характеризует только переходные глаголы и, подобно абхазско-абазинскому, вызывает изменение структуры глагола: переходный глагол становится непереходным и инверсивным. Общие и специфичные особенности образования потенциалиса в абхазско-адыгских языках как убедительно показала К. В. Ломтатидзе, проливают свет на историю категории потенциалиса (и других, связанных с ней категорий) в этих языках (154, 112).

Категория потенциалиса первоначально характеризовала только переходные глаголы. Здесь же зародилась инверсия. В непереходных абхазско-абазинских глаголах потенциалис распространился позже. Суффиксальный потенциалис адыгейского и убыхского языков вторичен (154, 109).

Таким образом, в картвельских и абхазско-адыгских языках известны пять способов образования потенциалиса: префиксальное (абхазско-абазинский, адыгейский, мегрельский) суффиксальное (убыхский и как параллельное средство – в адыгейском языке), префиксально-суффиксальное (адыгейский), описательное (абхазский, адыгейский), посредством частиц (как параллельное средство в грузинском и сванском; имеется в виду форма потенциалиса переходных глаголов с отрицательной частицей ver. В родственных языках такое выражение категории потенциалиса не встречается).

Наиболее древней и органичной признается префиксальная модель потенциалиса.

Все остальные способы (суффиксальный, префиксально-суффиксальный, описательный и посредством частиц) признаются вторичными – лексическими способами выражения потенциалиса.

Категорию потенциалиса следует признать реальным фактом абхазско-адыгских и картвельских языков, хотя не во всех из них она равно выражена. Однако историко-сравнительный анализ показывает, что во всех названных языках потенциалис выражался префиксами.

Приведем примеры из абхазского языка. Одноличные глаголы в форме потенциалиса мы рассмотрели во II главе работы. Здесь же обратимся к двух- и трехличным глаголам.

Двухличные глаголы

1. ah dəsəama **səzdəram** (4, 175)
"Заснул ли князь, не знаю"
2. sažoа iləmhaçə **iszənamgzejt** (13, 21)
"Я не мог донести до ушей его мои слова"
3. sargʷə **šəsəzəmdrjt** (4, 190)
"И я не узнал вас"
4. abri ašəətra zətou **jšəsəzəmdərwazar** iszajləšəkaа ihocjt (8)
"Если вы не знаете, кому принадлежит этот сад, так узнайте (мне)"
5. amc ha **ihazhoom** (13, 18)
"Мы вам не можем лгать"
6. wj **izəmgəayjt** асəəžoага (13, 21)
"Не осмелился беседовать с ним"

Трехличные глаголы

1. anaamtaz **iszialamgalt** (4, 174)
"В свое время я не смог внести это"
2. wažoə **isəzutom** (4, 177)
"Теперь я не могу тебе дать"
3. sçə-snarə žəəzəaməzjt aqəntə jaха **iszəumhəcjt** (8)
"Я был неумыт, а потому вчера не мог тебе сказать"
4. amōʷa dnəkoršəən, ахаһə azхага əkoərsam, **isəzsədkə-lom**, ihəan iimtcjt (8)
"Взглянул на дорогу, сказал, что камней недостаточно навалили, а потому не может принять, и не дал ему (что-то)".

Примечателен четвертый пример, где префикс субъекта s-повторяется дважды, подобно показателю субъектной версии: ç-i-sə-z-sə-d-қəlo-m "я (для себя) не могу принять". Такое же положение наблюдается в форме субъектной версии с элементом çə.

§ 3. Категория непроизвольности

Категория непроизвольности абхазско-адыгских языков выражает невольное, непроизвольное действие реального субъекта.

В абхазском языке она образуется посредством префикса амха < абаз. амақа, состоящего из двух частей: (а)ма и қа. Элемент ма- К. В. Ломтатидзе возводит к корню со значением "рука" (37; 154; 138, 135-136).

Тот же элемент ма К. В. Ломтатидзе выделяет в категории "кажимости" (41, 157). В абазинском языке эта категория образуется посредством префикса ə-ма, адыгейский язык использует

ет глагол "исходить" и направительный префикс *ǰə-* или только префикс субъектной версии со значением "во вред" (*fə // ʃəǰ*) (41, 159).

Префикс *maqa> mxa* относится к форме глагола так же, как формант потенциалиса: *dseit* "он (челов.) ушел" – *damxasit* "он (челов.) невольно ушел"; *dasosit* "он (челов.) уснул" – *damxasosit* "он (челов.) невольно уснул"...

В трехличных переходных глаголах и глаголах со сложной основой префикс непроизвольности вызывает такие же преобразования как показатель потенциалиса: формант субъекта перемещается из сложной основы в позицию перед превербом. В трехличных переходных глаголах показатель субъекта занимает второе место (позицию косвенного объекта), происходит инверсия.

По мнению К. В. Ломтатидзе, взаимоотношения категорий потенциалиса и непроизвольности аналогичны отношениям между версией со значением "в пользу" (с показателем *z-*, *z'-*) и версией со значением "во вред" (с префиксом *so-*). Префикс *z-* выражает направленность к косвенному объекту, а префикс *so-* – направленность от косвенного объекта: *iszaajgejt* "принес то он мне", *iscoigcjt* "унес от меня он то".

Префикс версии со значением "во вред" *so-* и показатель непроизвольности *amxa* встречаются и в контаминированных формах. *(i)scəamxafejt* "то (в) я непроизвольно съел", *iszəqamcəjt* "то я не смог сделать", *isamxauhoejt* "то я тебе не смог сказать"...

Подобные формы преимущественно характерны для отрицательных образований. Формы *isamxaqəcəjt* "я то непроизвольно сделал", *isamxauhoejt* "то я тебе невольно сказал" присущи положительным образованиям.

Категории потенциалиса и непроизвольности связаны с реальным субъектом.

В адыгейском языке категорию непроизвольности образуют только динамические (переходные и непереходные) глаголы посредством префикса *a-/ ǰ-*.

Переходные глаголы в форме непроизвольности становятся непереходными: *sǰ ar sə-ucəǰ* "я его убил", *sǰ ar sǰǰaučəu* "я его невольно убил"...

Одноличные непереходные глаголы становятся двухличными: *ar čodən* "он гибнет", *aš ar ǰǰə-čodən* "он невольно гибнет" (162, 281-282).

А. П. Поцхишвили выделяет категорию непроизвольности в грузинском языке и признает её лексико-грамматической. Категория непроизвольности, считает автор, образуется при помощи преверба *šc-mo*, который утрачивает способность выражать направление и ориентацию: *šc-m-a-ǰvda* "он (против моей воли, не по моей воле) умер у меня в руках // я невольно убил его" (176, 152-155).

Префикс *a-* А. П. Поцхишвили признает древним показателем действия, переходности, который в настоящее время понимается как показатель версии.

В результате наблюдений над материалом грузинского языка исследователь приходит к выводу, что категория непроизвольности была характерна разговорной речи (в письменной речи впервые встречается в рукописи 1505 года, – отмечает автор). Впоследствии, в ходе сближения разговорного и литературного грузинского языка категория непроизвольности стала продуктивной (60, 152-155).

Следует отметить, что семасиологическая категория непроизвольности в грузинском языке связана с реальным субъектом, ибо обозначает невольно совершаемое субъектом действие (60, 152-155).

Грузинский глагол выражает семантику непроизвольности посредством преверба *šc-mo-* и объектного строя личных аффиксов. Глаголы этой семантики всегда непереходны и стоят

в форме страдательного залога: *ḡsto-m-a-tqd-a* "сломалось у меня", *ḡsto-m-e-sv-a* "букв. выпилось у меня // выпил я невольно, незаметно для себя...", *ḡsto-m-e-ḡam-a* "съел я невольно, незаметно..."

Итак, семасиологическая категория произвольности грузинского языка обнаруживает морфологическое сходство с морфологической категорией произвольности абхазского языка (объектный строй личных аффиксов).

Абхазский язык Двухличные глаголы

1. **jsamxaqacejt** (8)
"То я невольно сделал"
2. **jsamxaqxjt** (8)
"То я невольно подкосил"
3. **jsamxarqejt** (8)
"То я невольно разрезал"
4. **jsamxarḡiḡ** (8)
"То я невольно разбил"

Трехличные глаголы

1. **jsamxalotejt** (8)
"То я ей невольно дал"
2. **jsamxalḡacejt** (8)
"Я ей то невольно дал поесть"
3. **jsamxalergacejt** (8)
"Я её невольно заставил сделать то"

§ 4. Категория каузатива

Характерная картвельским и абхазско-адыгским языкам категория каузатива обозначает действие, совершаемое субъек-

том, направленное на прямой объект и предопределенное другим лицом.

А. Г. Шанидзе называет каузатив категорией "контакта" (121, 371) и выделяет в грузинском языке два вида контакта: непосредственный и опосредованный (121, 357-358).

Показателем непосредственного контакта служит префикс *a-* (121, 363), а опосредованный контакт выражается суффиксами *-ev*, *-in*, *-evin*:

1. *-ev*: *aḡm-ev-s* "дает ему есть", *artm-ev-s* "отнимает у него", *arkm-ev-s* "называет его" ... во II серии суффикс *-ev* заменяется вариантом *-iv*.

2. *-in*: (в большинстве глаголов) *ḡers – aḡer-in-eb-s* "пишет" – "заставляет писать", *ḡexs – aḡex-in-eb-s* "ломает" – "заставляет ломать"...

3. Сочетание двух названных суффиксов дает *-evin*: *atl-evin-eb-s* "заставляет его строгать", *atxr-evin-eb-s* "заставляет его копать", *axsn-evin-eb-s* "заставляет его снимать", *atr-ev-in-eb-s* "заставляет его тащить", *aḡvl-ev-in-eb-s* "заставляет его убивать"...

Присоединение суффикса *-in* объясняется тем, что суффикс *-ev* оказался недостаточным для образования контакта (121, 361).

В древнегрузинском языке опосредованный контакт, считает автор, образовывался посредством простого суффикса *-ev* и сложного *-eb-i(v)* (в новогрузинском языке А. Г. Шанидзе суффикс каузатива *-iv* не выделяет).

Во II серии древнегрузинский суффикс *-ev* дает *-iv*: *atku-mia samgzis* "заставил сказать трижды".

Суффикс *-eb(iv)* употребляется в I серии; в формах II серии элемент *-eb* утрачивается. Сегмент *v* суффикса *-iv* утрачивается в позиции перед гласным в обеих сериях: *miḡaḡebieḡ*, *miḡaḡebie*: *zmata saḡmeli moaḡebiiis tavisā ḡina* "Братья заставили принести им еду".

Редким образованием каузатива в древнегрузинском А. Г. Шанидзе считает формы с суффиксом *in: taqwanis acem-in-p-es* "заставили поклоняться" (120, 83, 84).

Кроме того, каузатив в древнегрузинском языке выражался описательно: *dadebad scemda* "заставлял положить", *caqcerad sca* "заставил подписать", *moqebad ves* "заставил (я) взять".

Н. Я. Марр усматривал здесь суррогат армянского языка в древнегрузинском (158, 271-272).

По мнению В. И. Имнаишвили, описательное образование каузатива в грузинском языке не следует объяснять иноязычным влиянием – оно наряду с органичным выражением каузатива известно еще в древнегрузинском языке; в X-XIII вв. в этой функции закрепляется суффикс *-in*, заменяющий постепенно громоздкую описательную конструкцию (21, 112).

Описательное выражение каузатива нехарактерно полиперсональному глаголу, хотя встречается и в абхазском языке (33, 90).

Следует отметить, что выделяемая А. Г. Шанидзе категория опосредованного контакта не имеет своего показателя, а поскольку, как нам представляется, не может признаваться морфологической, ибо "морфологическую категорию формирует значение, выраженное аффиксом" (111, 108).

Интересное соображение выдвинул в этой связи П. Г. Эртелишвили, который считает, что стремление установить оппозитивную для опосредованного контакта форму непосредственного контакта с лингвистической точки зрения неоправданно, так как морфологическое значение может существовать и без оппозитивного значения (132, 192).

Мы полностью согласны с П. Эртелишвили в данном вопросе. В абхазско-адыгских языках, где категория каузатива обладает большей синтаксической силой, выделяется только одна разновидность каузатива.

В картвелологии бытуют два – широкое и узкое – понимания каузатива.

Согласно узкому пониманию, каузатив образуется только от переходных глаголов, широкое же понимание предполагает, что форму каузатива могут иметь и непереходные глаголы.

Исходя из узкого понимания, Е. Геуркова устанавливает два типа образования каузатива – префиксальный и префиксально-суффиксальный. Префиксальный каузатив (*a: dagamoqilna* "заставил (он) им тебе подчиниться"; *šeaqnaqa* "заставил (он) его примириться"; *daaqstupa* "убедил"...) исследователь считает основным способом образования, относящимся к архаичному слою грузинского языка (8, 105).

Противоположного мнения придерживался А. Такаишвили. Учítывая широкое понимание каузатива, он выделяет несколько типов образования каузатива, соотносимых с разными этапами развития грузинского литературного языка. Каузатив в грузинском языке образуется посредством префикса *a-*, а также наблюдается тенденция генерализации модели *a-in* < *a-ev-in* (80, 32-34).

Префикс *a-* в специальной литературе интерпретируется по разному:

1. "Префикс *a-* придает глаголам значение переходности" (158, 39).
2. Как формант нейтральной версии и опосредованного контакта (121, 326-363).
3. Возводится к префиксу *ha* : *a* < *ha//xa//sa* (109, 160, 167).
4. Понимается как относительный аффикс (61, 50).
5. Префикс действительного залога (132, 194-198).
6. Показатель каузатива (5, 20, 21); (8, 104); (80, 33, 34).
7. Показатель каузатива, имеет значение *sazedao* ("на", "над") (49, 109).

8. Префикс а- можно было бы использовать и как показатель прямого (ақетсbs "делает", аҫнеbs "строит") и косвенного объекта (аҫегs "пишет на...", адеbs "ставит на...") (16, 100).

Итак, при определении функции префикса а- исследователи сталкиваются со значительными затруднениями.

Префикс а- понимается как показатель переходности, действительного залога, каузатива, нейтральной версии, как релятивный элемент...

А. С. Чикобава считает, что префикс а- получен из показателя S₂, Оз ha-, где он служил огласовкой (108, 160, 167).

Б. А. Джорбенадзе разделяет эту точку зрения и считает, что дифференциация прямого и косвенного объекта произошла позже, а потому не исключено употребление одного и того же форманта (16, 100).

Выяснение истинной функции префикса а- и причин, обусловивших столь различные толкования, остается задачей дальнейших исследований. На данном же этапе наиболее адекватной нам представляется точка зрения А. С. Чикобава: первоначально сегмент а- в составе префикса ha- обозначал лицо, затем, в результате утраты согласного h исходная функция согласного оказалась затемненной, а сам сегмент а- стал увязываться с разными категориями (109, 160, 167).

Теперь префикс а- с равным успехом можно понимать как показатель переходности, каузатива, действительного залога или нейтральной версии, но ни одна из этих функций не является исходной для данного элемента.

Это древнейший формант, чем и объясняется его полисемичность.

Не случайно, должно быть, глаголы с префиксом а- дают возможность восстановить показатель S₂ и Оз; формант а- имеет фонетические соответствия в мегрело-чанском и сванском язы-

ках, что также свидетельствует о его древнем происхождении, однако в картвельских языках он не выражал каузатив, поскольку существовал в языке еще до формирования категории каузатива; возможно, формант а- первоначально обозначал реляцию (69, 50).

Категория каузатива в грузинском языке выражается суффиксами; А. С. Чикобава выделяет формант а -up (95, 160).

Тот же суффикс -up показателем каузатива считают Г. И. Мачавариани и Т. В. Гамкредидзе (50, 276).

Б. А. Джорбенадзе не согласен с признанием суффикса -up показателем каузатива, поскольку этот суффикс засвидетельствован и в страдательном залоге... и в некаузативной форме действительного залога (xṭis || xṭupavs "прыгает") (16, 98).

По мнению Г. И. Мачавариани, суффикс каузатива генетически восходит к тематическим показателям (47).

На разных этапах развития грузинского языка, считает И. М. Вешапидзе, каузатив выражался формантами а-ev, -in, а-evin (5, 20-21).

А. Л. Чинчараули отмечает, что в хевсурском диалекте в одной и той же глагольной основе наблюдается чередование -ev/-iv, -en/-in: arbens / arbina "заставляет бегать" / "заставлял бегать"... (112, 148).

Таким образом, формантами категории каузатива в грузинском языке служат суффиксы -ev, -in, -evin...

* * *

В абхазском языке категория каузатива образуется посредством префикса r-. Образование формы каузатива обуславливает добавление показателя прямого объекта, а глагол становится переходным. Префикс r- придает глаголу семантику опосредования, в глаголе возникает лицо, посредством которого совершается действие.

Некаузативная форма Непереходных глаголов	Каузативная форма переходных глаголов
də-gəlt "Он (человек) встал"	də-j-r-gəlt "Он (человек) его (человека) поставил"

Переходный глагол

i-lə-ōʷəjt "Написала она"	ilə-j-r-ōʷəjt "Заставил он написать её то"
------------------------------	---

Трехличные глаголы образуют каузатив описательно: u-lə-r-taraʷə qa-səp "Я стараюсь, чтобы они дали тебе (мужчине) ее".

Категория каузатива образуется и путем присоединения к основе трехличных глаголов частиц и показателя каузатива. i-u-zə-l-sə-r-zaħwucjt "Я её заставляю шить для тебя (мужч.)", i-u-zə-šəħəa-sə-r-gəlap "Я то для тебя (мужч.) поставлю у очага".

В глаголах с простой основой префикс каузатива r- стоит перед корнем, в глаголах со сложной основой он стоит или перед основой, или включается в неё (33, 89; 138, 131-132).

Глагол в форме каузатива может быть только переходным; если показатель каузатива вклинивается в основу; то показатель субъекта стоит перед ним; если же формант каузатива стоит вне основы, то и показатель субъекта перемещается вместе с ним.

Изменения в форме каузатива происходят при стечении показателей третьего лица субъекта множественного числа и косвенного объекта с формантом каузатива:

Множественность III л. в абхазском языке выражается префиксом r-; тот же формант используется для выражения косвенного объекта третьего лица множественного числа... Присоединение показателя каузатива r- ведет к тому, что фор-

мант III л. (множ.) и O III л. (косв.) трансформируется: r>d: sədərʷəcjt "они меня посадили", *səʀəʀəcjt, jddərbejt "Они показали ему их", *iʀəbejt.

Происходит диссимиляция, "это делается как бы для избежания неясности, которая могла бы произойти от присутствия другого r-, характеризующего залог..." (170, 62).

Н. Я. Марр допускал возможность связи абхазского показателя каузатива r- с формантом множественного числа баскского и сванского языков (193, 246-247).

По мнению К. В. Ломтатидзе, фонетический процесс r>d объясняется морфологически, поскольку чисто фонетически стечение двух звуков r в абхазском языке вполне допустимо: aʀəħaʀa "испугать", dəsəʀəħawcjt "я их пугаю"... Видимо, генетически идентичные аффиксы впоследствии подвергались функциональной дифференциации, т. е. показатель каузатива не отличался от форманта множественности. Сочетание двух одинаковых аффиксов обусловило диссимиляцию одного из них (показателя лица).

В этом факте диссимиляции К. В. Ломтатидзе усматривает сохранение возможного облика личного показателя: именно общность происхождения предопределяет диссимиляцию (ср.: в адыгейском языке показатели косвенного объекта ja- и субъекта ja-... один из них при встрече дает d-).

Показатель каузатива в форме III лица d-, считает К. В. Ломтатидзе, может быть связан с местоимением daʀa, что само по себе не исключает связь с показателем класса человека d- (ср. абх. wəra-w, saʀa-s). В кавказских языках известны примеры использования форманта множественности сначала для обозначения класса женщин, а затем в роли показателя класса человека вообще (33, 95, 164, 9-12).

В тапантском диалекте аффикс каузатива ведет к изменению показателя множественности III лица (r>d). В абхазском языке это явление носит систематический характер, если аф-

фикс г- выражает множественность S₃; если же выражается косвенный объект, то могут иметь место оба варианта i-d-dəg-gəlejt, iɖdərgelejt "Они их заставили построить".

В тапантском диалекте префикс г- и в роли показателя косвенного объекта регулярно заменяется вариантом d-: iddər-zaxɬ "Они заставили их сшить то", iddərɬit "они дают им есть то"...

Тапантский диалект (под влиянием адыгейского языка) характеризует одна особенность: если одноличный непереходный глагол в форме каузатива становится трехличным, то семантика каузатива в нем выражается дважды. В отличие от абхазского, в глаголе представлены два форманта каузатива: ddəjɣrəgəʒəazəcɣta "Он напугал его ими", dədəjɣrəgəsaɬ "Он заставил их послать его" (32, 130).

В ашхарском категория каузатива образуется так же, как в других диалектах, но употребляется чаще. В глаголах со сложной основой показатель каузатива регулярно стоит перед корнем (а не перед основой, как в абхазском). Положение, наблюдающееся в абхазском, видимо, носит вторичный характер.

В ашхарском глаголе показатель каузатива не удваивается, что характерно для тапантского (влияние адыгейского языка) (36, §36).

Итак, в абхазско-адыгских языках господствует, за незначительным исключением, префиксальное образование каузатива; диалекты абхазского и абазинского языков образуют каузатив одинаково.

В абхазском языке выделяется описательное и деривационное образование каузатива. Описательный каузатив известен и в древнегрузинском языке, что, возможно, объясняется влиянием языка-источника, с которого переводились древние тексты.

Абхазско-абазинский показатель каузатива г- генетически связан с формантом множественности г-.

В адыгейском языке каузатив также образуется посредством префикса γă- // γа-, который ставится после показателя субъекта, а порой вклинивается в основу. В форме каузатива появляется дополнительно лицо прямого объекта, а непереходный глагол становится переходным...

să ar s-šăšət "Я веду его"

să ar ja-z-ă-šăšət "Я заставляю его увести того"

В адыгейском языке имеется двойное образование каузатива (162, 157).

Формант каузатива -ă, возможно, связан с показателем множественности -хă.

В убыхском языке посредством форманта də- образуется каузатив в единственном числе и отрицательных формах; показатель γа- употребляется при множественном числе прямого объекта (149, 699).

Тот же консонантный элемент γ- (γö-, γaw) встречается в форме множественного числа существительных (149, 694).

В убыхском языке нет специальных аффиксов множественности. Формы единственного и множественного числа противопоставляются по наличию аффиксов эргатива, притяжательности и указания:

č'a-n "лошадь" (эрг.) sa-č'a "моя лошадь"

č'a-na "лошади" sō-č'a "мои лошади" (149, 694).

Возможно, убыхский язык сохраняет древнейшее, общее для иберийско-кавказских языков состояние, когда лицо, число и падеж не было дифференцированы и обозначались одним аффиксом (противопоставлялись формы в целом).

Данные абхазско-адыгских языков материально свидетельствуют о генетической связи категории каузатива и множественности.

Не случайно, как нам представляется, и материальное сходство консонантных сегментов аффиксов каузатива картвельских языков с показателями множественности:

Консонантный сегмент показателя каузатива *-ip* встречается в форме множественного числа имени и глагола.

Префикс каузатива *-ev* в настоящее время в роли показателя множественности не встречается ни в именах, ни в глаголах. Однако, если предположить, что *-eb* < *-ev*, то элемент *-v* можно признать древним показателем множественности, который в именах сохранился в виде *-eb*, а в глаголах изменил свою функцию.

Суффикс *-ev* употребляется в глаголах и именах грузинского языка (99, 89); связан он с именным словообразованием и в мегрельском диалекте занского языка. В частности, этот суффикс можно реконструировать в именах, обозначающих прежнее состояние: *-evi* > *ei* > *ii*: *noxir-ii* > **noxirei* > *noxirevi* "покинутое гнилое место", *nočilii* > **nočilei* > **nočilevi* "имевший жену", *požixii* > **požixei* > **požixevi* "место, где стояла крепость" (64, 652).

Суффикс *-ev* в роли показателя каузатива выделяется в удийском языке (59, 489).

Рассмотренную выше интерпретацию суффикса *-ev* в определенной мере поддерживает тот факт, что А. Г. Шанидзе считает элемент *-ev* показателем множественности // собирательности в таких топонимах, как *vašlevi*, *zeglevi*, *boslevi*, *mɔvimevi*, *velevi*, *veltqevi*, *vaqevi*, *kvevi*, *ipnevi*, *ṭbevi*.

А. Г. Шанидзе предполагает, что в древней Грузии существовал диалект, одним из признаков которого служил вариант мн. *-ev*. Диалект этот был распространен, видимо, на территории современной Верхней Имеретии (119, 27).

Конечно, не все имена с суффиксом *-ev* следует считать формой множественного числа. Однако в топонимах, которые называет А. Г. Шанидзе, учитывая их ясную семантику, суф-

фикс *-ev* можно признать формантом множественности. Тем более, что известны примеры чередования вариантов *-ev/-eb*.

Другие исследователи признают суффикс *-ev* словообразовательным элементом (46, 18).

Мы также придерживались последнего мнения, поскольку предполагали, что выделение суффикса *-ev* в топонимах с окончанием структуры *-Vv* и признание его формантом множественности, приведет к нарушению системности анализа топонимов с окончанием *-Vv* (52).

Но как показали дальнейшие исследования и данные родственных языков, формант *-ev* в некоторых случаях действительно может признаваться древнейшим показателем множественности.

Употребление его в качестве словообразовательного элемента вторично. Изначально этот аффикс выражал множественность, что и обусловило его превращение в словообразовательный элемент. Ср.: *vašlevi* = *vašlebi* (место, где много яблонь), *vašlevi* = *vašliani* (место, где много яблонь).

В занском языке каузатив также образуется посредством аффиксов: чанск. *o-ар*, атинск. и вицо-аркаб. *-am*: *o-zum-ар-и* "заставил его измерить", *o-ḳvat-ар-и* "заставил его рубить", атинс., вицо-аркаб. *o-zum-ар-am-s*, *o-ḳvat-ар-am-s* (95, 157).

Мегрело-чанский префикс *o-* является фонетическим соответствием грузинского префикса *a-*, но, как было сказано, изначально он не был показателем каузатива.

Мегрельские аффиксы каузатива *o-ар* и *-an* А. С. Чикобава считает фонетическими вариантами чанских аффиксов *-am* и *-ar* (95, 157).

Чанский аффикс каузатива *-ар* в консонантной части совпадает с показателем множественности *-er*:

чанск.	мегр.
ḳoč-ep-e	ḳoč-ep-i "мужчины"
ḳiχ-ep-e	ḳiχ-ep-i "ноги"

Суффикс -en прослеживается в форме множественного числа эргатива и датива в мегрельском: возможна связь с показателем каузатива -an.

В сванском языке каузатив также образуется посредством суффиксов: -un: хა̄х-un-с, хა̄х-un-е "заставляет сжечь", в. -св. хა̄м-un-с, хა̄-un-с "заставляет косить"; вместо un-с может употребляться āl-un-с, al-nə, ä-wn-с, a-wn-с < *ā/al-un-с: хамār-āl-un-с "заставляет приготовить", ха̄м-āl-wn-с, ха̄мā-un-с "заставляет косить".

Суффикс -āl/-al служит показателем множественности объекта или обычности действия; суффикс -un может употребляться в одной форме дважды (83, 234, 231).

Сванский показатель каузатива -āl/-al, возможно, связан с формантом множественности -āl/-āg.

Итак, суффиксы каузатива в картвельских языках материально частично (в консонантных компонентах) совпадают с формантами множественности.

* * *

В подтверждение всего сказанного выше приведем формы каузатива грузинского и абхазского языков.

В древнегрузинском языке модель каузатива непродуктивна.

Двухличные глаголы Древнегрузинский язык

1. **hnaevdit** guls-modginebit kmnilsa čemsa da nuodes **garqunevt** kula mas didebulsa lavrasa (7)
"Смотрите прилежно на содеянное мной и никогда не разоряйте сокровищницу великой лавры".
2. qmaman tkva, tu: ar egebis ač amisi asre **tkmeva** (6, 243)
"Сказал он, не подобает мне так говорить это".

Новогрузинский язык

Формы каузатива двухличных глаголов в новогрузинском языке мы не обнаружили.

Абхазский язык

Категория каузатива в абхазском языке чрезвычайно продуктивна. Показатель каузатива г- постоянно сопутствует форманту субъекта, а если оказывается в пределах основы (в переходных глаголах со сложной основой), то показатель субъекта всетаки стоит перед ним. Глагол в форме каузатива всегда переходен.

1. səsa **sərbaazejt** (4, 195)
"Намочил свою постель"
2. tinatin ləx̄z̄ **isərdulap** (13, 31)
"Я восхваляю Тинатин"
3. iudgəlo zəḡ **sərgour̄ap** (13, 31)
"Кто тебя поддерживает, всех обрадую"
4. warḡə ax̄əmz̄y **usərgəjt** (4, 195)
"И тебя осрамил (заставил унести)"
5. iusəmtax̄qoa, **usərk̄atap** ihəcjt̄ (4, 187)
"Осчастливию тебя, как не дам, сказал"
6. **wəçasərx̄ejt̄**, šta azə aaga (4, 188)
"Победил я тебя, теперь принеси воды"
7. **wahmər̄k̄atej** eshaq! (4, 189)
"Ведь осчастливили тебя, Исхак!"
8. **dharc̄x̄oap** hara laγeγz̄ γoaγoala (13, 4)
"Восхвалим горькими слезами"
9. **intaur̄t̄ocjt̄** aγuγōara (13, 40)
"Заставил задуматься"
10. **dəumert̄oandaz** hōəntkars upha (13, 14)

"Хоть бы ты не сажал на трон свою дочь"

11. sa **sargoaqwejt** wjləmbara (8)
"Меня мучит разлука с ней"
12. ubriižtej sa sartəncwam (8)
"С тех пор что-то не дает мне покоя"
13. bzibar çabərg **wargəəbzəwejt** (13, 6)
"Истинная любовь делает ласковым"

Трехличные глаголы Древнегрузинский язык

1. **atkumia** sam gzis (10)
"Вынудил сказать трижды"
2. nadimsaca munve **gadaaxdeo** (10)
"Пир пусть там же справит"
3. **gakmnev** qargta sišmageta (12, 1375)
"Заставлю тебя хорошо повеселиться"
4. ra oxrobasa **aknevdi** mag xmals (16)
"Какого черта размахался мечом"

Новогрузинский язык

Суффикс -ev-in:

1. kvamli xširad tvalidan cremls **gvaqrevinebs** xolme (16, 195)
"Дым часто гонит слезы из глаз"
2. xevsuri zlivs davamšvidet da cxadi da močveneba zlivs **gavarčevinet** (16, 267)
"Мы едва утихомирили хевсура и помогли ему различить явь и видение"

Суффикс eb-in:

1. tkven izulebuli xart magas **gaalagebinot** tvini (16, 195)
"Вы вынуждены заморочить им мозги"
2. ... da **gaadyvebinot** gul-muceli (16, 195)

"...и выпотрошить сердце и живот"

Абхазский язык

1. хəšo maat həa idsərgəçejt (4, 184)
"Заставил сделать за триста рублей"

В этом примере примечательна диссимиляция показателя косвенного объекта. Фонетических условий для диссимиляции почти нет: показатель каузатива г- и показатель косвенного объекта разделены формантом субъекта s, однако показатель косвенного объекта г- тем не менее подвергся диссимиляции.

2. ažəabž – salam sa **jusərhalap** (13, 31)
"Я тебя заставлю услышать привет"
3. urtkoa hara wara **juhmərbejt** (13, 19)
"Тех мы тебе (м.) не показали"
4. sqama **dəumərgan** (4, 176)
"Не погуби его моим кинжалом"
5. tatənx **saurxaroup** (4, 191)
"Ты должен дать мне покурить"
6. ibžə γəγəala **inəikoirgejt** (8)
"Заставил его сильно вскрикнуть"
7. ansoa šəaga **šəakoiməršəajt** (13, 44)
"Пусть бог не пошлет вам чего-нибудь (дурного)"
8. uj **idirbejt** iara ipsšarta (8)
"Показал им свое место отдыха"
9. ... škiperɬr **lirkəjt** (13, 11)
"Дал скипетр"
10. lhoan ləbžə **ikəələrgojt** (4, 183)
"Сказав издает голос"

§ 5. Категория взаимности

В картвельских языках морфологически выраженной категории взаимности нет. В мегрельском диалекте занского языка встречаются примеры "частично описательного" выражения взаимности.

Морфологическая категория взаимности предполагает участие в действии двух и более лиц, представленных в глаголе.

Впервые эту категорию в абхазском языке описал П. К. Услар (170, 64-66).

Ж. Дюмезиль выделяет категорию взаимности в абхазском, адыгейском и убыхском языках (188, 203-206).

Категорию взаимности в абхазско-адыгских языках рассматривает К. В. Ломтатидзе (37).

Показателями категории служат префиксы: абхаз.-абаз. а(ј), а(ј)-с, а(ј)-ба; адыгейск. зă, зă-дă, зă-гă //za, убых.: зă, зă-žĭ, зă (la)...

К. В. Ломтатидзе выделяет случаи сочетания префикса а(ј)-с элементами -с и -ба и на этой основе считает необходимым различать в абхазском языке два вида названной категории: взаимно-совместную (а/ејс-) и взаимно-двустороннюю (а/ејба).

Элемент с- в роли показателя совместности может употребляться и отдельно, без вокального префикса sara lara slăcip "я с нею", dĭcġoašġoĭ "Он (челов.) с нею танцует"...

Переходный глагол в форме совместности трехличен: ilăcăsfoĭt "То с ней вместе ем"; в форме взаимности-совместности с префиксом ајс- трехличный переходный глагол становится двухличным: ilăcăsfoĭt > eĭcahfoĭt "мы то вместе едим", т. е. вместо двух личных аффиксов косвенного объекта и субъекта фигурирует множественное лицо субъекта (40, 279).

Принцип образования категории взаимности в абхазском, адыгейском и убыхском языках одинаков.

Категория взаимности обуславливает элиминацию одного лица в глаголе.

Переходность глагола меняется только в случае сочетания в префиксе взаимности-двусторонности прямого объекта и субъекта.

Префикс взаимности-двусторонности в абхазском языке ајба- состоит из показателя ај-, способного формировать категорию взаимности самостоятельно, и элемента ба-, который в глаголах самостоятельно не употребляется.

П. К. Услар связывал префикс ба-с элементом ба-, засвидетельствованным в наречиях места (170, 64-66).

Ж. Дюмезиль считал, что префикс ба- входит в состав имен числительных (188, 203, 206).

А. И Генко включает префикс ајба- в разряд превербов (135, 171).

По предположению К. В. Ломтатидзе, элемент ба- может быть историческим показателем эргатива (37, 288).

Изложенные выше соображения не исключают друг друга. Вполне допустимо предполагать, что элемент адвербиального происхождения был впоследствии использован в именах числительных.

В отличие от префиксов ај-/еј- и ајс-/ејс-, префикс ајба-/ејба- встречается только в переходных глаголах.

Префикс ај-/еј- не может непосредственно присоединяться к простой основе глагола, ему обязательно сопутствуют аффиксы версии или превербы; префикс ајба- беспрепятственно присоединяется к глаголам с простой и сложной основой, причем, элемент ба- как бы осложняет глагольную основу, что, возможно, свидетельствует о наречном происхождении самого элемента.

В определенных случаях префикс ајба- (если в нем объединены лица субъекта и прямого объекта) способен трансформировать переходный глагол в непереходный.

Двухличные переходные глаголы в форме совместности-двусторонности становятся одноличными. Субъект и прямой объект объединяются во множественном числе субъекта: *dərdərwεiʃ* "они его знают", *εjbadərwεiʃ* "они друг друга знают".

Трехличные глаголы становятся двухличными, если:

а) субъект и прямой объект объединяются в форме множественности субъекта – *ilashəεjʃ* "я ей то сказал", *εjbərhəεjʃ* "они то сказали друг другу"...

б) показатели косвенного и прямого объекта объединяются в форме множественности прямого объекта – *dləbojʃ* "она его видит", *εibarbojʃ* "они друг друга видят"...

Показатели взаимности *aj-/ej-* и совместности *ajc-/ejc-* независимо от структуры основы стоят перед основой, поскольку связаны с субъектом непереходного глагола или косвенным объектом, показатели которых в абхазском языке всегда стоят перед основой.

В глаголах со сложной основой аффикс *ajba-* вклинивается в основу, а в тапантском диалекте префикс *ajba-/ba-* и в этом случае стоит перед основой: *atagəara* "бороться, сопротивляться..." – *abatagəara* "бороться друг с другом..." (32, 191).

В основе префикс *ajba-* трансформируется: *ajba>ejba>iiba>iba*...

Префикс *ajba*, видимо, становится в основу только в том случае, если объединяет лица субъекта и прямого объекта, или субъекта и косвенного объекта, если же в нем сочетаются прямой и косвенный объекты, то префикс в основу не включается.

Возможно, компонент *ba-* восходит к числительному *əʃba* "два" (ср. груз. *ertmaneti< ertmanerti*, где имя числительное участвует в описательном выражении взаимности).

Такому допущению препятствует деление имен числительных по признаку человек / не человек: *orɪ ɤasi* "два человека" – *orɪ sɤeni* "две лошади"...

В адыгейском языке взаимно-односторонность выражается сложным префиксом *zə-gə*, где *zə* соответствует абхазскому *aj-*, а *gə* – абх. *ba-*.

Как и в абхазском языке, адыгейский глагол в форме взаимности-двусторонности переходный. Глагол в некоторых случаях становится непереходным (при сочетании лица субъекта и прямого объекта) (162, 171-177).

В убыхском рассматриваемая категория образуется посредством простого префикса *zə* (189, 206). Ж. Дюмезиль увязывает этот префикс с убыхским же *zala-zala* и абхаз. *aɣ-aɣ-ala* "по одному", срв. абаз. *zakə, zaʃəə*.

Аналогичную категорию К. В. Ломтатидзе выделяет в занском языке (40, 213, 214, 216), где функционируют глагольные элементы *a-ɣo/o-ɣo*: *aɣiamɤanages* "подружились", *aɣiʒimaləs* "побратались"; *ɣo* – выражает отношение, а – несет функцию совместности.

Кроме того, в занском есть смешанное образование: частично описательное (подобное грузинскому) – при помощи местоимения *artiani* "друг друга" в сочетании с префиксами *aɣo-/oɣo-* *artiani aɣoɣivɪləs* "убили друг друга", *artiani aɣozivɪləs* "увидели друг друга"...

В приведенных примерах префикс *aɣo-* показывается недостаточно для выражения необходимого содержания, приходится употреблять соответствующее местоимение. Не исключено, что такое сочетание используется с целью повышения экспрессии, с другой стороны, употребление местоимения *artiani* объясняется влиянием грузинского языка.

Смешанный тип категории взаимности, по мнению К. В. Ломтатидзе, дает основание считать её вторичной для занского языка (40).

В древнегрузинском языке значение совместности передавалось приставкой *tana: da angelozni misi tanagividoden tkuen* (4, 41) "... И ангелы его сопутствовали вам".

В древне- и новогрузинском языке семантика совместности выражается лексическими единицами ertmaneti "друг друга", urtierti "взаимно", ertimeore "один другого": čvenc **ertmanets** gulmodgined **vçeçdit**... (10, 75) "Мы друг друга прилежно разрывали на куски и разрывались"; permixdilni bezγobaši **ertmanets vežib-rebodit** (10, 77) "Соревновались друг с другом в доносах..."; **ertmaneti** čven **davyupet** (10, 77) "мы друг друга погубили"; **ertmanets agrit** k̄rulvas da çqevlas (10, 92) "Осыпаете друг друга проклятиями".

В грузинской форме ert-man-erti выделяется показатель эргатива man (40, 287).

Семасиологическая категория взаимности в грузинском языке обнаруживает сходство с морфологической категорией абхазско-адыгских языков (участие основы числительного, показатель эргатива: man). Мегрельские формы занимают промежуточное положение между грузинским и абхазско-адыгскими языками.

Абхазский язык

Префикс aj > ej

Одноличные глаголы

1. uγoəj upsoj **eimçanarsən** (13, 29)
"Завладела твоим сердцем и душой"
2. **hajsap** k̄rəkoça (13, 15)
"Давай, поспорим на что-нибудь"
3. us wamašoa n̄arə **ejkoršan** eiçoəsrada (13, 46)
"Они удивительно обняли друг друга"
4. bərlašə wa **inejlalan** (13, 43)
"Жемчужина затесалась меж ними"
5. wažoə zənzak̄ **dejkošoazejt** (4, 183)
"Теперь ему совсем повезло"

Двухличные глаголы

1. səlah˘ **ejkoəsxt** sa izgoəgō˘oz (13, 26)
"Теперь успокоился, о чем беспокоился"
2. ... xoəçzak̄ **dsejps̄ap** wj avtandil (13, 14)
"Немного похож на меня Автандил"
3. wj ičəkuar **dejlahajt** naq̄ ičoəigarçə (13, 43)
"Понравился ему лошадь, чтобы повести куда-то"
4. amsa **ejkoicejt** eiçəmcala (13, 41)
"Разжег огнивом"
5. ačəəm t̄oəla k̄əḡ neimideit̄ (13, 39)
"Обошел много чужих стран"

Трехличные глаголы

1. blala amō˘a wj **inejlirgejt** (13, 41)
"Показал глазами ему дорогу"
2. šermadin wa zəg˘ **neizigeit̄** (13, 37)
"Шермадин там всех собрал для него"

Одноличные глаголы, полученные от двухличных глаголов с префиксом ajç-/ejç-

1. warg˘ə sarg˘ə ubrah˘ **haiccap** (13, 34)
"Я и ты пойдем туда вместе"
2. žooxo žag˘ə **eiçnəq̄wom** (8)
"И пятнадцать зайцев вместе не ходят"
3. iχoəçkoə šatak̄ **ejctanxon** (8)
"Дети его в одном дворе вместе жили"
4. imaaibwa janalaga **eiçrəçwejt**, haz-xazə idoəkolojt̄ (8)
"Как начинали распря друг с другом, расходятся, идет каждый себе"

Категория совместности

(с префиксом с-)

Двухличные глаголы:

1. jara ipaq icjps̃ **dnaicōmalejt** (13, 23)
"Он, как его сын, вошел за ним в дом"
2. incigon iqambaš **icdārgolarazə** (4, 199)
"Гнал его буйвола, чтобы поставить вместе с ним"

Трехличные глаголы

1. **isəcnazgoz** us axšara (13, 14)
"Сын мой достойный, кто подспорьем будет"
2. аха азəə **jansəcchoo** (8)
"Но когда кто-то вместе со мной говорит (поет)"

Категория взаимности-двусторонности

(с префиксом ajba-)

1. аҭəсəсəј jareј **ejbadərən** (8)
"Воры и он друг друга знали"
2. **ejbarçəwan** urt aṵʒag̃ (13, 46)
"Вместе плакали оба"
3. ah ipheј ačqəni **jgəpхејbašan** lxaсəј phəəsi cibageјt (8)
"Царевна и юноша понравились друг другу, и поженились"
4. dṵagəlan paneј iareј jaajgəə **dəјbahoaleјt** (8)
"Пана и он встали и обнялись"
5. paneј pəgəј eišəa goaқ̃akoа гејps̃ə bzia **ejbabon** (8)
"Пана и Пагу, как родные братья, любили друг друга"

6. **šoneјbac, šoneјbac**, arsuaa gəčqənpəa! (9, 415)

"Идите вместе, дети абхазские!"

В 6 и во 2 примере префикс ajba- имеет значение "вместе", а не "друг друга"...

В некоторых случаях префикс ajba употребляется в "неожиданном" значении: igəə eјbaқweјt "сердце у него затрепетало" (8).

ВЫВОДЫ

Выше мы рассмотрели глагольные категории картвельских и абхазско-адыгских языков, входящие в синтаксические связи. В том числе были проанализированы категории спряжения (лицо, класс, число) и деривации (версия, потенциалис, произвольность, каузатив, взаимность).

Наиболее древними для данных языков являются категории спряжения – лицо, класса и числа. Из числа деривационных категорий древнейшей, видимо, следует признать категорию версии, возникшую одновременно с формированием категории лица.

После завершения становления категории лица и версии формируются категории потенциалиса, произвольности, каузатива и взаимности-совместности.

Образование интересующих нас категорий в изучаемых языках обнаруживает заметное структурно-типологическое сходство.

1. С точки зрения образования категории лица, класса и числа грузинский и абхазский язык объединяют следующие общие признаки:

- а) полиперсональность глагола;
- б) выражение лица и класса (в абхазском языке) посредством префиксов (исключение составляет сформировавшееся позже другое III лицо в грузинском языке, обозначаемое суффиксом).
- в) происхождение показателей лица и класса от экспонентов классов и местоимений.
- г) дистрибуция показателей лица и классов в переходном глаголе (в грузинском языке и в непереходных по аналогии).
- д) отсутствие показателя II субъектного лица в форме положительного повелительного наклонения переходных глаго-

лов (в грузинском языке – и в непереходных: *çadi / ar çaxvide!* "иди!/не ходи").

В качестве показателя субъекта непереходного глагола и прямого объекта переходного глагола (для грузинского языка – и косвенного объекта), т. е. древнейшего показателя категории класса следует предполагать формант *x-/h-/s-, которому в абхазском языке соответствует формант *d (с учетом общего направления развития системы спряжения в этих языках).

Суффиксация III лица единственного и множественного числа в грузинском языке вторична; так же вторична выражение множественности класса вещей посредством аффикса -koa в абхазском.

Релятивный (в некоторых случаях и абсолютный) глагол абхазско-адыгских языков, помимо категорий спряжения (лица, класса и числа) характеризуется категориями деривации (версии, потенциалиса, произвольности, каузатива и взаимности).

Релятивный глагол картвельских языков образует формы версии, потенциалиса и каузатива.

Значение совместности и произвольности в картвельских языках выражается описательно.

Общими для глагола абхазско-адыгских и картвельских языков помимо лица и числа являются категории версии, потенциалиса и каузатива.

2. Категория версии в картвельских и абхазско-адыгских языках выражается морфологически.

а) выделяются две разновидности версии – субъектная и объектная.

б) категория версии в картвельских и абхазско-адыгских языках характеризуется значительным типологическим сходством: с одной стороны, сближается положение, наблюдаемое в сарпском говоре мегрело-чанского языка и в абхазском языке; с другой стороны, по этому признаку можно объе-

денить картвельские и адыгские языки. В адыгских языках категория версии более развита.

в) субъектная и объектная версии в рассматриваемых языках выражаются посредством префиксов, представляющих собой деиктично-направительные элементы, восходящие к указательным местоимениям; элементы *i-/u-* грузинского и абхазского языков идентичны материально и функционально.

г) показатель объектной версии в обоих языках сопутствует аффиксу объекта и обозначает направленность выраженного глаголом действия на объект.

3. В картвельских языках развита категория потенциалиса. В грузинском и сванском языке она в настоящее время выражается семасиологически. Однако в занском языке потенциалис имеет четкое морфологическое выражение. Отсюда можно предположить, что морфологическая категория потенциалиса была характерна всем трем картвельским языкам (распад категории потенциалиса увязывается с формированием страдательного залога). Форма страдательного залога, видимо, вмещает значение потенциалиса (ср. груз. язык.).

4. Абхазско-адыгские языки отличаются морфологической категорией произвольности, которая выражается посредством префикса и аналогично категории потенциалиса.

В картвельских языках произвольность выражается семасиологически, но тем не менее имеет сходство с соответствующей морфологической категорией абхазского языка (объектный строй глагола).

5. В картвельских и абхазско-адыгских языках выделяется категория каузатива.

а) каузатив в картвельских языках выражается суффиксально; в абхазско-адыгских языках – посредством префиксов.

б) в обеих группах форманты каузатива материально увязываются с показателями множественности.

6. В абхазско-адыгских, а также занском языках функционирует морфологическая категория взаимности.

а) категория взаимности образуется посредством префиксов.

б) в грузинском языке она выражается семасиологически, но имеет сходство с морфологической категорией взаимности абхазско-адыгских языков.

в) смешанный (частично описательный) занский тип категории взаимности дает основание предполагать, что в занском языке данная категория возникла позже. С этой точки зрения занский язык занимает промежуточное положение между грузинским и абхазско-адыгскими языками.

ЛИТЕРАТУРА

а) литература на грузинском языке

1. Андгуладзе Н. Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1968.
2. Асатиани Р. А. Основная функция полиперсонализма в картвельских языках. "Мацнэ", Известия АН ГССР, серия яз. и лит., №2, 1986.
3. Ахвледзиани Г. С. Два одинаковых префикса в грузинском глаголе. – В сб.: "Наша наука" (... "Чвени мецниереба"). Тбилиси, 1918-1923.
4. Бабунашвили Е. А. Антон I и вопросы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1970.
5. Вешапидзе И. М., Две основные модели образования каузатива в грузинском языке. Тезисы XIII научной сессии филологического факультета ТГУ. – Тбилиси, 1970.
6. Гагуа К. С. Один тип глаголов с недостающим лицом в сванском языке. В кн.: ИКЯ, т. XXI. – Тбилиси, 1979.
7. Гамкрелидзе Т. В. "Персонализм и валентность" глагола. – В сб.: Языковедческий сборник, посвященный 50-летию со дня рождения Г. И. Мачавариани, Тбилиси, 1979.
8. Геуркова Е. Образование каузатива в грузинском и некоторых горских иберийско-кавказских языках. "Мацнэ", АН ГССР, №2, Тбилиси, 1971.
9. Гониашвили Т. Б., О диалектизмах в Адишском четвероглаве. Известия ИЯИМК, №IV₂, Тбилиси, 1938.
10. Дамения М. Э. Структурные модели глагольных морфем и теоретические основы их дефиниции по

данным современного грузинского языка. Тбилиси, ДД, 1975.

11. Дамения М. Э. Структурные модели глагольных форм грузинского языка, Тбилиси, 1982.
12. Джавахишвили И. А. Недавно обнаруженные древнейшие грузинские рукописи и их значение для науки. В сб.: Грузинская палеография. Тбилиси, 1949.
13. Джавахишвили И. А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937.
14. Джанашвили М. Г. Грузинская грамматика. Тифлис, 1906.
15. Джанашиа Р. С. Именной суффикс множественности -коа в абхазском глаголе. В сб.: ИКЯ. т. XIV. Тбилиси, 1964.
16. Джорбенадзе Б. А. Вопросы образования и функции глагольных форм залога в грузинском языке. Тбилиси, 1975.
17. Джорбенадзе Б. А. Образование глаголов с основой на гласную в грузинском языке. Тбилиси, 1983.
18. Додашвили К. Грамматический эскиз; некоторые соображения о глаголе. В газ.: "Иверия", №№214, 217, 219-220, 222. Тбилиси, 1887.
19. Енукашвили Р. Ш. К вопросу ханмэтности и хаэмэтности. – Труды ТГУ, в. XIX. Тбилиси, 1979.
20. Жордания Т. Грузинская грамматика. Тифлис, 1889.
21. Имнашвили В. И. Каузатив в древнегрузинском языке. Сборник научных работ студентов ТГУ, т. X. Тбилиси, 1970.
22. Имнашвили И. И. Историческая хрестоматия древнегрузинского языка. т. I, ч. II. Тбилиси, 1971.
23. Иоселиани П. Начальные правила грамматики. Тифлис, 1840.

24. Кавтарадзе И. М. К истории основных глагольных категорий в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1954.
25. Калдани М. М. К вопросу показателя третьего субъектного лица в сванском языке. Языковедческий сборник. Тбилиси, 1979.
26. Квицаридзе П. Грузинская правильная речь. Тифлиси, 1988.
27. Кикнадзе Л. К вопросу четырехличности глагола в грузинском языке. В журн. "За коммунистическое воспитание", №8-9. Тифлис, 1937.
28. Кипиани Д. Новая грузинская грамматика, кратко написанная отцом для детей. С-Пб, 1882.
29. Кутателадзе А. Начальная грамматика грузинского языка. Тифлис, 1888.
30. Лекиашвили А. С. Форма потенциалиса абхазского глагола. ИКЯ, т. II. Тбилиси, 1948.
31. Ломтатидзе К. В. Категория переходности в абхазских глагах. Известия ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942.
32. Ломтатидзе К. В. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944.
33. Ломтатидзе К. В. Категория каузатива в абхазском языке. Сообщения АН ГССР, т. VI, №1. Тбилиси, 1945.
34. Ломтатидзе К. В. О категории версии в глаголе абхазского языка. Труды ТГУ, т. XXX-XXXI. Тбилиси, 1947.
35. Ломтатидзе К. В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. ИКЯ, т. II. Тбилиси, 1948.
36. Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тбилиси, 1954.
37. Ломтатидзе К. В. Категория потенциалиса (возможности) и произвольности в абхазско-абазинском глаголе. Сообщения АН ГССР, т. XVI, №3. Тбилиси, 1955.
38. Ломтатидзе К. В. К вопросу о категории залога в абхазском языке. ИКЯ, т. VIII. Тбилиси, 1956.
39. Ломтатидзе К. В. Категория взаимности (взаимосоюзности, взаимообобщности в абхазско-адыгских языках). ИКЯ, т. XII. Тбилиси, 1960/1961.
40. Ломтатидзе К. В. К вопросу категории взаимности в картвельских языках. I. Глагольная категория взаимности в занском. В сб.: Вопросы структуры картвельских языков, т. II. Тбилиси, 1961.
41. Ломтатидзе К. В. Категория "кажимости" в глаголе абхазско-адыгских языков и вопрос соответствующего глагольного образования в грузинском языке. ИКЯ, т. XVII. Тбилиси, 1970.
42. Ломтатидзе К. В. О глаголе со значением "знать" в абхазско-адыгских языках. Труды ТГУ, в. 133 (142). Тбилиси, 1972.
43. Ломтатидзе К. В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976.
44. Ломтатидзе К. В. Отражение определенности-неопределенности в спряжении абхазского глагола. "Мацнэ". АН ГССР, №2. Тбилиси, 1979.
45. Ломтатидзе К. В. Основные виды локальных превращений и их оформление в абхазском и абазинском языках. Тбилиси, 1982.
46. Макалатия П. Н. Топонимика ущелья Пшавской Арагви, ч. I. Тбилиси, КД, 1970.
47. Мачавариани Г. И. Основные морфологические категории глагола в картвельских языках, ч. I. Тбилиси, КД, 1953.

48. Мачавариани Г. И. Основные морфологические категории глагола в картвельских языках, ч. II, Тбилиси, КД, 1954.
49. Мачавариани Г. И. "Страдательный залог без показателя" в картвельских языках. В сб.: Вопросы структуры картвельских языков, ч. I. Тбилиси, 1959.
50. Мачавариани Г. И., Гамкрелидзе Т. В. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.
51. Мачавариани М. В. К вопросу категории версии. ИКЯ, т. XXII. Тбилиси, 1980.
52. Мачавариани Н. М. Окончание -Vv (-av, -iv, -ev, -ov) в грузинских топонимах. – Тезисы научной конференции студентов ТГУ, Тбилиси, 1977.
53. Меликишвили Д. Н. К истории выражения категории инклюзива-эксклюзива в грузинском глаголе. "Мацне", Известия АН ГССР. №4. – Тбилиси, 1977.
54. Мегрели Т. Д. К вопросу категории инклюзива-эксклюзива в древнегрузинском языке. Труды кафедры древнегрузинского языка ТГУ. №23. – Тбилиси, 1980.
55. Небиеридзе Г. С. Категория версии в грузинском языке (трансформационный анализ). Известия АН ГССР, №4. – Тбилиси, 1976.
56. Ониани А. Л. К вопросу инклюзива-эксклюзива в картвельских языках. Известия АН ГССР. №1. – Тбилиси, 1985.
57. Ониани А. Л. Распределение алломорфов морфемы второго субъектного и третьего объектного лица в ханмэтных и хаэмэтных текстах. В сб.: Вопросы структуры картвельских языков, в. IV. Тбилиси, 1974.
58. Ониани А. Л. Вопросы исторической морфологии картвельских языков. Тбилиси, 1978.
59. Панчвидзе В. Н. Суффикс каузатива -ev в удинском языке. Сообщения АН ГССР, т. I, №6. – Тбилиси, 1940.
60. Поцхишвили А. П. Категория невольности в грузинском глаголе. В сб.: Тбилисский государственный университет – Г. С. Ахвледиани. Тбилиси, 1969.
61. Рогава Г. В. Аффикс притяжательности i- в глагольных и именных морфологических категориях картвельских языков (в формах версии и падежей), ч. I. Сообщения АН ГССР, т. III, №5. Тбилиси, 1942.
62. Рогава Г. В. Аффикс притяжательности i- в глагольных и именных морфологических категориях картвельских языков (в формах версии и падежей), ч. II. Сообщения АН ГССР, т. III, №5. Тбилиси, 1942.
63. Рогава Т. В. Полиперсонализм в глаголе нижнеадыгейского языка. Известия ИЯТМК, т. XII. – Тбилиси, 1942.
64. Рогава Г. В. К генезису некоторых аффиксов аориста и второго сослагательного в связи с суффиксом -ev в грузинском и мегрельском языках. В ж.: Сообщения АН ГССР, т. VI. №8 – Тбилиси, 1945.
65. Рогава Г. В. О пережитках экспонентов грамматических классов в адыгских языках. Сообщения АН ГССР, т. XI. – Тбилиси, 1950.
66. Рогава Г. В. К переходу классного спряжения в личное в иберийско-кавказских языках. – Сообщения АН ГССР, т. XIV, №7. Тбилиси, 1953.
67. Рогава Г. В. К вопросу ханмэтности и хаэмэтности. – Труды Кутаисского государственного педагогического института им. Ал. Цулукидзе, т. X. Кутаиси, 1956.
68. Рогава Г. В. Некоторые вопросы истории личных аффиксов в адыгейском языке. Сообщения АН ГССР, т. XXIII, №4, Тбилиси, 1959.

69. Рогава Г. В. К истории полиперсонализма глагола в иберийско-кавказских языках. ИКЯ, т. XIII. Тбилиси, 1962.
70. Рогава Г. В. К вопросу эргатива в абхазско-адыгчких языках. Тбилиси, 1964.
71. Рогава Г. В. Суффикс III субъектного лица множественного числа -ap в грузинском языке. ИКЯ, т. XVI. – Тбилиси, 1968.
72. Рогава Г. В. Озвочение префиксов лица в позиции перед сонантами в глаголах абхазско-адыгских языков. ИКЯ, т. XVII. Тбилиси, 1970.
73. Рогава Г. В. Категория органической и вещественной принадлежности в адыгейском языке. – Тбилиси, 1980.
74. Сарджвеладзе З. А. Случаи несогласования имен с показателем множественности -p с глаголом в древнегрузинском языке. Сообщения АН ГССР, №3, Тбилиси, 1969.
75. Сарджвеладзе З. А. Введение в изучение истории грузинского литературного языка. – Тбилиси, 1984.
76. Сарджвеладзе З. А. Указатель личных форм глагола в ханмэтных и һаэмэтных текстах. – Тбилиси, 1971.
77. Сухишвили М. А. Переходные глаголы в грузинском языке. – Тбилиси, 1986.
78. Сухишвили М. А. Префикс первого субъектного лица в картвельских языках. ИКЯ, т. XXV. – Тбилиси, 1986.
79. Такаишвили Ар. Некоторые вопросы образования каузатива в Грузинском языке. В сб.: Вопросы структуры картвельских языков. Тбилиси, 1974.
80. Топурия В. Т. Глаголы с приставкой d- в грузинском языке. Труды ТГУ, т. XXV. – Тбилиси, 1942.
81. Топурия Т. В. К древнейшей суффиксации глагола в грузинском языке. Труды ТГУ, т. XXV, №5, Тбилиси, 1942.
82. Топурия В. Т. Образование страдательного залога третьего типа в грузинском языке. Сообщения АН ГССР, т. III, №9. – Тбилиси, 1942.
83. Топурия В. Т. Труды I. Сванский язык. Тбилиси, 1967.
84. Топурия Г. В. Об одном пути перехода классного спряжения в личное в иберийско-кавказских языках. ИКЯ, т. XIII. – Тбилиси, 1962.
85. Узнадзе Д. Impersonalia, В сб.: "Наша наука" ("чвени мецниереба"). Тифлис, №1. 1923.
86. Хундадзе С. Грузинские глаголы. Кутаиси, 1891.
87. Циқолия М. М. Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1969.
88. Чикобава А. С. Частица qe в ферейданском диалекте и его значение с точки зрения грамматики и логики. – В. Сб.: Ежегодник, I-II. Тифлис, 1923-1924.
89. Чикобава А. С. Одна особенность спряжения грузинского глагола (выражение лица). – В журн. "Работник просвещения Грузии", №14, Тифлиси, 1926.
90. Чикобава А. С. Проблема простого предложения в грузинском языке. Вопрос подлежащего и дополнения в древнегрузинском языке. Тифлис, 1928.
91. Чикобава А. С. Чем выражен морфологический объект в форме именительного падежа множественного числа в древнегрузинском языке? Известия ТГУ, т. IX, Тбилиси, 1929.
92. Чикобава А. С. Какие особенности характеризуют строй грузинского языка, V. – В журн. "Культурное строительство". №7/8. Тифлис, 1930.
93. Чикобава А. С. Практические вопросы, связанные с переходностью глагола. Тифлис, 1934.

94. Чикобава А. С. Грамматический анализ чанского языка (с текстами). Тифлис, 1936.
95. Чикобава А. С. Категория потенциализа в картвельских языках. – В ж.: Известия ИЯИМК, т. I. Тбилиси, 1937.
96. Чикобава А. С. Древнейший показатель III субъектно-го лица в картвельских языках. Известия ИЯИМК, т. V-VI. – Тбилиси, 1940.
97. Чикобава А. С. Основные тенденции эволюции простого предложения в грузинском языке. Известия АН ГССР, т. II, №1 (2, 3). – Тбилиси, 1941.
98. Чикобава А. С. Древнейшая структура именной основы в картвельских языках. Тбилиси, 1942.
99. Чикобава А. С. К проблеме эргативной конструкции в кавказских языках. Стабильные и лабильные варианты этой конструкции. Известия ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942.
100. Чикобава А. С. К этимологии показателей грамматической категории класса в картвельских языках. – Сообщения АН ГССР, т. V (№4). – Тбилиси, 1944.
101. Чикобава А. С. Грамматическая категория класса и вопрос генезиса падежных показателей в грузинском языке (предварительное сообщение). – Сообщения АН ГССР, т. VII, №1-2. – Тбилиси, 1946.
102. Чикобава А. С. Общее языкознание. I. Пропедевтическая часть. Тбилиси, 1946.
103. Чикобава А. С. Об основном принципе выражения множественности в системе спряжения грузинского глагола. ИКЯ, т. I. Тбилиси, 1946.
104. Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Исторические взаимоотношения номинативной и эргативной конструкции по данным древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1948.
105. Чикобава А. С. Общая характеристика грузинского языка. – В кн.: Толковый словарь грузинского языка, т. I, Тбилиси, 1950.
106. Чикобава А. С. Грамматическая категория класса и некоторые вопросы спряжения глаголов в древнегрузинском языке (предварительное сообщение). ИКЯ, т. V, Тбилиси, 1953.
107. Чикобава А. С. К генезису суффиксов множественности в грузинском языке. ИКЯ, т. VI. – Тбилиси, 1954.
108. Чикобава А. С. К истории некоторых префиксальных образований в грузинских глаголах, т. XI. – Тбилиси, 1959.
109. Чикобава А. С. Проблема простого предложения в грузинском языке I. Издание II. Тбилиси, 1968.
110. Чикобава А. С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1979.
111. Чинчараули А. Л. Особенности хевсурского диалекта грузинского языка. Тбилиси, 1960.
112. Чубинашвили Н. Грузинский словарь с русским переводом. Под ред. А. глonti. Тбилиси, 1961.
113. Чубинов Д. И. Грузинско-русский словарь. СПб, 1887.
114. Шадури И. И. Ранговая структура морфем абхазского языка (система переходных глаголов). – АКД. Тбилиси, 1975.
115. Шанидзе А. Г. Употребление приставок h- и s- в глаголах. – В сб.: Нормы грузинского литературного языка, кн. I. – Тбилиси, 1950.
116. Шанидзе А. Г. haэмэтные тексты и их значение для истории грузинского языка. Известия ТГУ, III, Тифлис, 1923.

117. Шанидзе А. Г. Двойная форма первого лица множественного числа в сванском языке. Ежегодник, т. I-II. Тифлис, 1923-1924.
118. Шанидзе А. Г. По поводу трехличности грузинского глагола. – в журн. "Культурное строительство", №9, Тифлис, 1929-1930.
119. Шанидзе А. Г. След говора -ev в географических наименованиях Грузии. Сообщения АН ГССР, т. II, №8, Тбилиси, 1941.
120. Шанидзе А. Г. Грамматика древнегрузинского языка. Тбилиси, 1976.
121. Шанидзе А. Г. Основы грамматики грузинского языка. Сочинения в 12 томах, т. III. Тбилиси, 1980.
122. Шанидзе А. Г. Взаимоотношения между активом и пассивом по показаниям многоличного глагола. Сочинения в 12 томах, т. II. Тбилиси, 1981.
123. Шанидзе А. Г. Грамматический субъект при некоторых непереходных глаголах. Сочинения в 12 томах, т. II, Тбилиси, 1981.
124. Шанидзе А. Г. К вопросу переходности глаголов в картвельских языках. I. Сочинения в 12 томах, т. II, Тбилиси, 1981.
125. Шанидзе А. Г. К вопросу переходности глаголов в картвельских языках. II. Сочинения в 12 томах, т. II, Тбилиси, 1981.
126. Шанидзе А. Г. Пережитки употребления объектного префикса III лица перед гласными в грузинском языке. – Сочинения в 12 томах, т. II. Тбилиси, 1981.
127. Шанидзе А. Г. Показатель лица в склоняемом слове в картвельских языках. Сочинения в 12 томах, т. II. Тбилиси, 1981.
128. Шанидзе А. Г. Показатели S₂ и O₃ в грузинских глаголах. – Сочинения в 12 томах, т. II. Тбилиси, 1981.

129. Шанидзе А. Г. По поводу обнаружения древнейших грузинских текстов. – Сочинения в 12 томах, т. II. Тбилиси, 1981.
130. Шанидзе А. Г. Версии грузинского глагола. – Сочинения в 12 томах, т. II. Тбилиси, 1981.
131. Шмидт К. Индогерманский медиум и субъектная версия в грузинском языке. В сб.: "Обозреватель" ("Мимомхилвели"), вып. 6-9, Тбилиси, 1972.
132. Эртелишвили П. Г. К вопросу версии в грузинском языке. – Труды ТГУ, т. 114. – Тбилиси, 1965.

б) Литература на русском языке

133. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Труды абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, т. XXVIII, Сухуми, 1957.
134. Бенвенист Е. Структура отношений лица в глаголе. Общая лингвистика, М., 1974.
135. Генко А. И. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955.
136. Гецадзе Н. О., Недеялков В. П., Хонодович А. А. Морфологический каузатив в грузинском языке. Типология каузативных конструкции, морфологический каузатив. Л., 1969.
137. Гецадзе Н. О. Очерки по синтаксису абхазского языка. Л., 1974.
138. Грамматика абхазского языка, Сухуми, 1968.
139. Дирр А. М. О классах (родах) в кавказских языках, сборник материалов для описания местностей и племен кавказа. Тифлис, 1907.
140. Дондуа К. Д. Категория инклюзива - эксклюзива в сванском и ее следы в древнегрузинском, сборник "памяти акад. Н. Я. Марра. М., 1938.

141. Дондуа К. Д. Морфологические выражения активно-го (эргативного) строя в адыгейской и картвельской группах кавказских языков. Изв. АН. ССР. Отд. лит. и языка, т. VII (3), М., 1948.
142. Дондуа К. Д. О двух суффиксах множественности в грузинском языке. АН ССР, Язык и мышление, т. I, 1932.
143. Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем, МПБ, 1914.
144. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков, М., 1965.
145. Климов Г. А. Структурно-типологические параллелизмы картвельских и абхазско-адыгских языков. "Фонетика, фонология, грамматика; к семидесятилетию А. А. Реформатского)", М., 1971.
146. Климов Г. А. М. Е. Алексеев. Типология кавказских языков. М., 1980.
147. Кумахов М. А. Адыгейский язык. АН СССР, т. IV, ИКЯ. М., 1967.
148. Кумахов М. А. Морфология адыгских языков, М., - Нальчик, 1964.
149. М. А. Кумахов. Убыхский язык, АН ССР, т. IV, ИКЯ. М., 1967.
150. Ломтатидзе К. В. Абазинский язык. ЯН ССР, т. IV, ИКЯ. М., 1967.
151. Ломтатидзе К. В. Абхазский язык. ЯН ССР, т. IV, ИКЯ. М., 1967.
152. Ломтатидзе К. В. Из грузинско-абхазской грамматической встречи. Труды абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, т. XXVIII, Сухуми, 1957.
153. К. В. Ломтатидзе. Категория версии в картвельских и абхазо-адыгских языках. ЕИКЯ, т. III, Тб., 1976.
154. Ломтатидзе К. В. Категория потенциалиса (возможности) в картвельских и абхазско-адыгских языках, ЕИКЯ, т. III, Тб., 1976.
155. Ломтатидзе К. В. К вопросу о природе сонантов и об их коррелятивных парах (по данным абхазско-адыгских и картвельских языков. В. Я., №3, М., 1975.
156. Ломтатидзе К. В. Относительное местоимение в глагольных формах абхазского языка. Сообщения АН Грузинской ССР, т. III, №4, Тб., 1942.
157. Марр Н. Я. Безличные, недостаточные существительные и вспомогательные глаголы. Изб. Раб. т. II, М., 1936.
158. Марр Н. Я. Грамматика древнегрузинского языка. Л., 1925.
159. Марр Н. Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. О языке и истории абхазов. М., Л., 1938.
160. Марр Н. Я. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. С-Пб., 1908.
161. Рогава Г. В. Абхазско-адыгские языки. ЯН ССР, т. IV, ИКЯ. М., 1967.
162. Рогава Г. В., Керашева З. Н. Грамматика Адыгейского языка. Краснодар, Майкоп, 1966.
163. Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. (Автореферат докторской диссертации), Тб., 1953.
164. Рогава Г. В. К вопросу о генезисе аффикса третьего лица в абхазском и древнегрузинском языках. Труды абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, т. XXV, Сухуми, 1954.

165. Руденко Б. Т. Грамматика грузинского языка, М., Л., 1940.
166. Сахокия М. М. Посессивность, переходность и эргативность. Тб., 1985.
167. Структурные общности кавказских языков, М., 1973.
168. Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1976.
169. Топурия В. Т. Сванский язык. ЕИКЯ, т. XII, Тб., 1985.
170. Услар П. К. Этнография кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. С. Пб., 1872.
171. Цагарели А. А. Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков. С.-Пб., 1872.
172. Чубинов Д.Н. Краткая грузинская грамматика. С.-Пб., 1855.
173. Шагилов А. К. Кабардинский язык, ЯН СССР, т. IV, ИКЯ, Москва, 1967.
174. Шанидзе А. Г. Категория ряда в глаголе. Извещения АН Грузинской ССР, т. X, Тб., 1941.
175. Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961.
176. Шарадзенидзе Т. С. Сванский язык. ЕИКЯ, т. XII, Тб., 1985.
177. Шарданов А. Х. Категория потенциалиса и версии (в системе спряжения адыгских языков) (Кандидатская диссертация). Тб., 1955.
178. Шерозия Р. Р. Категория потенциалиса в картвельских языках (Автореферат кандидатской диссертации). Тб., 1984.
179. Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М., Л., 1941.

в) Литература на абхазском языке

180. В. А. Амч-цъха, Р. К. Гулия-цъха, Ацсуа бызшэа, афонетика, аморфология, Акэа, 1984.
181. Шь. К. Аристаа, Л. П. Цкадуа, Ацсуа бызшэа (афонетика, аморфология). Алекциақэа ркурс апрофессор К. В. Ломтатизе ллскциақэа ацырхырааны. Акэа, 1966.
182. В. Х. Конджария, Ахацэа ркласс аабтэи ахафырбага афункциақэа ацсуа бызшэафы, Труды института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, Сухуми, 1963.

г) Литература на иностранных языках

183. Allen W. S., Structure and System in the Abaza verbal Complex. Transactions of Philological Society. Hertford. 1956.
184. Boeder V. W., Uber die versionen des Georgoschen verbs. Folia Linguistica. I, II I/2, 1968.
185. Bouda K., Das Abasische. eine unbekannte abchasische mundart. Zeitschrift der Deutshen Morgen-handischen Cesellschaft, Bd. 94, H. 2 (Weue Folge, Bd. 19). Berlin, Leipzig, 1940.
186. Deeters A., Das Kharthwelische Verbum. Leipzig, 1930.
187. Deeters A., Der abchasische Sorahbau wachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Giottingen Philologisch-Historische Klasse, H. 3. Berlin. 1931.
188. Dumezil G., Etudes comparatives sur les langues causiennes du Word-Ouest Morphologie, Paris, 1932.
189. Dumezil G., La Langua des Oubykhs. Paris. 1931.
190. Dumezil G., Le verb oubvkh. Etudes descriptives et com-

paratives. Memor de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. HST I. Paris, 1975.

191. Harris A., Georgian syntax. A study in relational grammar. Cambridge, 1981.
192. Kettler A., Das Verbum finitum in der altgeorgische Übersetzung des Markus-Evangeliums. Wien, 1938.
193. Marr N. I., De L'origine japhetique de la langue basque, 1926.
194. Marr N. at Briere M., La Langue Georgienne, Paris, 1931.
195. Meillet A., Sur les caracteres du verbe, в сб.: Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938.
196. Rosen G., Ossetische Sprachlehre nabst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abhasische, Berlin, 1846.
197. Schuchardt H., Über das Georgische Sprache, Wien, 1895.
198. Peschen W., Die charaktervokale des altgeorgischen Verbums in der Übersetzung des Matthaus und Markus und den Palimpsest-Texten, Bonn, 1939.
199. Vogt H., Grammaire de la Langue Georgienne, Oslo, Universitets Forlaget, 1971.
200. Vogt H., Esquisse d'une Grammaire du Georgien Moderne, HTFS, Oslo, 1938.

Перечен источников

1. Амаршян В. Цъ. Сашта, сыпсыкуара сашта. Ақәа, 1985.
2. Бараташвили Н. М. Соченения. Тбилиси, 1968.
3. Важа Пшавела. Соченения. Тбилиси, 1986.
4. Гулиа Д. И. Иалкаау Ақәа, 1973.
5. Две последние редакции грузинского четвероглава. Изд. И. И. Имнаишвили. Тбилиси, 1979.
6. Джавахишвили М. С. Избранное. Тбилиси, 1985.
7. Джанашия Б. Н. Абхазско-грузинский словарь, Тбилиси, 1954.
8. Записанные нами абжуйские тексты.
9. Зыхуба З. Л. Агьсуа жәлар рҕапыцтә рҕеиамта, Ақәа, 1981.
10. Имнаишвили И. И. Историческая хрестоматия грузинского языка. т. I, ч. I. Тбилиси, 1970.
11. Мцхетская рукопись. Изд. Е. И. Дочанашвили. Тбилиси. 1983.
12. Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1975.
13. Руставели Ш. Абжасцәа зшәу (еиҕегеит Д. И. Гулиа) Ақәа, 1941.
14. Н. З. Ҙар-гьха. Учкуннат. Ақәа, 1985.
15. Ханмәтные тексты. Изд. Л. Р. Каджая. Тбилиси, 1984.
16. Чавчавадзе И. Г. Избранное. Тбилиси, 1984.

Оглавление

В в е д е н и е	3
Глава I. Категории спряжения в Абхазском и Грузинском языках.....	5
§ 1. Категория лица и числа в грузинском языке	5
§ 2. Категория лица, класса и числа в абхазском языке.....	31
Глава II. Одноличные глаголы в абхазском и грузинском языках.....	50
Глава III. Деривационные категории: двух-, трех- и более чем трехличные глаголы в абхазском и грузинском языках.....	59
§ 1. Категория версии	61
§ 2. Категория потенциалиса	83
§ 3. Категория произвольности	93
§ 4. Категория каузатива.....	96
§ 5. Категория взаимности	112
В ы в о д ы	120
Литература.....	124
Перечень источников.....	141